

Вероника
ЛЕСНЕВСКАЯ

Верни нас,
ПАПА

УКРАДЕННАЯ СЕМЬЯ

Вероника Лесневская

Верни нас, папа!

Украденная семья

<https://litres.ru/74692373>

Аннотация

- Хочешь сказать, что Ника родила не от тебя? И это не наш внук? - Не ваш. И не мой сын, - слова моего мужа как пощечина. - Это ложь, - выдохнула я, но его родственники не стали меня слушать. - Тогда ей не место в нашем доме, - прозвучало безапелляционно.

В ту же ночь я забрала сына и уехала. Дальше - тяжелый бракоразводный процесс, сфабрикованный за границей тест ДНК и оспаривание отцовства. Наплевав на совесть, муж сделал все, чтобы оставить собственного ребенка без средств к существованию.

Спустя три года он нашел нас - и теперь хочет вернуть любой ценой. Единственный, кто в силах мне помочь защитить сына, - это бывший офицер Данила Богатырев, мужчина из моего прошлого. Когда-то я любила его больше жизни, а он бросил меня и исчез без объяснений. Между нами ничего не было, но почему мой мальчик так похож на него? И почему Данила относится к нему лучше родного отца?

* Романтика! ХЭ. ОДНОТОМНИК.

✎ Читайте также историю Насти (сестры Ники) - "Незабудки для бывшего. Настоящая семья"

✎ История Мирона - "Подари мне сына! Присяга на верность"

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	21
Глава 3	30
Глава 4	44
Глава 5	55
Глава 6	68
Глава 7	79
Глава 8	90
Глава 9	99
Глава 10	112
Глава 11	123
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Пролог

Три года назад

Николь

- Знакомьтесь, дорогие родственники, это Мила. И она беременна... от меня.

Смех и голоса гостей стихли. На просторной террасе родительского дома воцарилась гробовая тишина. Было слышно, как ветер раздувал лепестки цветов на празднично сервированном столе.

- Что ты натворил, сын? – раздался голос свекра. - Как же Ника? И ваш Максик?

- Ника останется моей женой и будет воспитывать нашего с Милой ребенка, как я все эти годы тянул ее подкидыша. По-моему, это будет честно. Наконец-то у нашей фамилии появится кровный наследник, с чем я всех и поздравляю.

Каждое слово моего мужа как удар метронома. Реквием по семье.

Подкидыш?

Я всегда была верна ему...

- Хочешь сказать, что Ника родила Максика не от тебя? И он не наш внук?

- Не ваш. И не мой сын, - ответ мужа как пощечина.

Он крепче прижал к себе любовницу и окинул гостей пьяным взглядом, задержавшись на мне. Никогда я не видела

столько презрения в его глазах. Вот так он отблагодарил меня за верность. Своей неверностью.

- Она нагуляла ребенка, а я принял ее в семью. Давно надо было раскрыть вам глаза на любимую невестку. Вы все пылинки с нее сдували, но она обычная ш-ш...

- Сын, выбирай выражения!

- Это ложь. Я тебе не изменяла, - выдохнула я, но никто не стал меня слушать.

Среди шума и перешептываний выделился противный смех гиены, который принадлежал его Миле. В последнее время я все чаще видела ее рядом с мужем, но не придавала значения тому, что у него появилась новая помощница. Если честно, я никогда его не ревновала.

- Если все так... Тогда Нике не место в нашем доме, - прозвучало безапелляционно.

- Все равно ей некуда идти, пусть остается. На правах первой жены, если будет хорошо себя вести.

Я спокойно поднялась из-за стола, не понимая, чем заслужила такое пренебрежительное отношение и ненависть мужа. Однажды мне уже приходилось собирать себя по осколкам. Я была разрушена до основания, но в трудную минуту рядом оказался Лука. Я доверилась ему после предательства другого мужчины - его друга и сослуживца, который бросил меня и исчез без объяснений. Кто знал, что спустя годы семейной жизни Лука тоже нанесет мне жестокий удар. Второй в моей жизни – и последний, потому что больше я себя

ломать не позволю.

- Нет, Лука. Я не собираюсь это терпеть. Мы разводимся.

Его лицо исказилось злостью и удивлением. Наверное, он ждал, что я буду умолять его сохранить семью и не прогонять нас с сыном, но я холодно высказала все, что о нем думаю.

При всех...

- Ты не меня унизил, а себя самого. Макса ты больше никогда не увидишь, - бросила я на прощание.

- Кому ты, кроме меня, нужна со своим бастардом? Впрочем, проваливай! - кричал Лука мне в спину. И смеялся, как будто сошел с ума. А родственники молчали – они поверили ему, а не мне.

В ту же ночь я собрала вещи, подняла из постели сонного, ничего не понимающего сына - и уехала из этого дома. Ближайшим рейсом вернулась из Сербии в Россию, оставив за спиной суррогат, который долгое время считала семьей. Лука не останавливал нас, спокойно дал разрешение на выезд, без сожалений отпустив своего ребенка.

Подкидыш...

Дальше меня ждали несколько кругов ада, по которым он безжалостно меня провел. Тяжелый бракоразводный процесс, сфабрикованный за границей тест ДНК и оспаривание отцовства. Наплевав на совесть и мораль, муж сделал все, чтобы оставить собственного сына без средств к существованию.

Он отрекся от нашего ребенка. Но до последнего винил

меня в том, что я разрушила наш брак.

- Что, довольна? Ты сама подтолкнула меня к этому! Признайся, ты ждала удачного момента, когда сможешь свалить из моей страны К НЕМУ. Ты же только ЕГО по-настоящему любила все эти годы. Не меня. Хотя я все для тебя делал, дрянь! – с ненавистью выпалил Лука на заседании суда и сплюнул с таким отвращением, будто на мне клейма ставить негде.

Имя моего потенциального «любовника» не прозвучало – повисло Дамокловым мечом над нашими головами, но мы оба знали, о ком говорил Лука. К кому дико ревновал, хотя я не дала ни единого повода во мне усомниться.

Лука был моим первым и единственным мужчиной. С тем предателем, в которого я по глупости влюбилась в юности, у нас даже ничего не было. Я давно мысленно похоронила его, и вот теперь, спустя годы, опустила к нему в братскую могилу бывшего мужа. Поставила крест на обоих.

- Моя личная жизнь больше не твоя забота, Лука, - бросила я с усмешкой, на которую потратила последние силы и нервы. – Спасибо за подаренную свободу.

Очередной плевок - и сдавленные ругательства разнеслись по залу. Я трудом выдержала наполненный ненавистью взгляд бывшего мужа и заставила себя улыбнуться в ответ.

Сокрушительный нервный срыв настиг меня уже дома, под крылом матери. Как только я получила развод, то отправилась к родным зализывать раны, четко зная, что больше

никогда не смогу поверить ни одному мужчине на земле.

Но три года спустя бывший муж вернулся в мою жизнь.
И не только он...

Глава 1

Нашидни

Николь

- Мама! Новенький в классе опять задирается.

Я сбрасываю входящий звонок, чтобы уделить внимание сыну, который посередине учебного дня врывается в кабинет без стука. Он у меня мальчик воспитанный. Если ведет себя так импульсивно, значит, действительно случилось что-то серьезное. Успеваю лишь вопросительно кивнуть ему, и чертов телефон снова оживает, высвечивая на дисплее имя контакта – «Покойник».

«Я хочу встретиться с сыном, Николь», - прилетает текстовое сообщение.

«Ты в своем уме? После того, как ты отказался от него и опротестовал отцовство?», - быстро набиваю ответ, жестом подзывая Макса подойти ближе.

«Я передумал», - мигает облачко, а следом прилетает еще одно: «Я соскучился по вам обоим».

Психанув, я лихорадочно блокирую номер.

Три года Лука не интересовался нашей жизнью. Ни звонка, ни алиментов, ни открытки на День рождения ребенка. Ни-че-го! И вдруг появился, когда я научилась жить самостоятельно и привыкла доверять только себе. Сын благополучно растет без отца, все реже спрашивает о нем, пошел

уже в третий класс. Я с начала учебного года работаю школьным психологом, чтобы быть к нему ближе. Он мой главный и единственный на свете мужчина. Других не надо.

- У вашего новенького сейчас сложный период адаптации, - произношу на автопилоте, удаляя историю сообщений с бывшим. Поднимаю взгляд на Макса, беру его за руки, заставляю себя улыбнуться. - Помнишь, я рассказывала тебе об этом, когда ты боялся идти в первый класс? - дожидаясь утвердительного кивка и продолжаю: - Новенькому еще сложнее, чем было тебе, потому что он пытается влиться в ваше маленькое, но сформированное классное сообщество. И пока не может найти свое место. Как дополнительная деталь конструктора, когда фигура уже собрана, - подбираю аналогию, чтобы сын понял меня правильно. - У вас есть друзья, вы привыкли к учителю и стенам школы, а он... одинокий и чужой. Ваша задача - принять его и подружиться.

- Пф, да кому этот чудик нужен, - фыркает Макс. - Он понтуется постоянно, у девочек портфели ворует и прячет, Анне Васильевне колючки от кактуса на стул подкладывает. А сегодня у меня телефон стащил и хотел в окно выбросить, но мы с друзьями вовремя забрали. Это нормально, мам? - топает ногой. - Когда его начинают ругать, то он пугает всех своим «крутым отцом».

Макс скептически кривится, показывая кавычки пальцами. В его тоне чувствуются нотки зависти и обиды. Моему мальчику все равно не хватает папы, хоть он и старается не

показывать этого.

Хорохорится, прячет слабость под маской дерзости. Маленький мужичок, сильный духом и твердый, он совершенно не похож на Луку – ни внешностью, ни характером. Однако меня это радует, учитывая, сколько гнили и грязи таил в себе мой бывший муж. Не хочу иметь с ним ничего общего.

Пусть лучше мой сын будет ни на кого не похожим. Эксклюзив.

- Нет, это не норма, - задумчиво произношу, с нежностью изучая Макса. Ласково поглаживаю его по прямым жестким волосам с необычным пепельным оттенком. – Ты должен понять, что твой одноклассник поступает так, потому что боится вас, а лучшая защита – это нападение. Я попрошу вашего классного руководителя вызвать ко мне и мальчика, и его «крутого отца». Пообщаюсь с обоими. Все проблемы исходят из семьи, - заканчиваю тихо, себе под нос.

- Спасибо, мам, - сын быстро чмокает меня в щеку. - Ладно, я побежал, надо успеть на перемене дать Ленке домашку по математике скатать, пока никто не опередил меня. О, а это ей! Дамы любят сладкое.

Схватив горсть шоколадных конфет из вазочки на моем столе, он вприпрыжку бежит к выходу. Я с улыбкой смотрю ему вслед, и смысл его фразы не сразу обрабатывается моим затуманенным материнским мозгом.

- Что? – выдыхаю, наконец-то осознав услышанное. – Максим! Ничего не хочешь мне рассказать?

Дверь захлопывается за его спиной, шум шагов стремительно отдаляется, а я могу сбросить с себя образ строгой матери и тепло рассмеяться. Мой мальчик, кажется, впервые запал на девчонку. Зная его напористый характер, у нее нет шансов.

- Маленький сердцеед, - улыбаюсь с легкой тоской. Как же быстро взрослеют дети.

После уроков Анна Васильевна с надеждой передает мне того самого новенького, который терроризирует весь класс, и шустро сбегает. Я смотрю на низкорослого, упитанного мальчишку, который мнется у стола, с опаской поглядывая на меня, и вижу в нем дикого зверька, вырванного из привычной среды обитания.

- Привет, присаживайся, - по-доброму улыбаюсь ему. - Вместе подождем твоего папу, - открываю блокнот, чтобы по ходу сеанса делать пометки. - Как тебя зовут?

- Матвей, - буркает он, шоркая подошвами по ламинату.

- Очень приятно, Матвей. Меня зовут Николь Николаевна, я школьный психолог. Не волнуйся, я не буду тебя ругать или наказывать. Мы с тобой просто поговорим.

Ядвигаю к нему вазу с конфетами, шепчу: «Угощайся», - но он даже не притрагивается к ним, будто ему запретили. Однако стоит мне отвернуться к шкафчику, чтобы взять шаблоны психологических тестов, как Матвей хватает жмению сладостей и запихивает себе в карман.

- Я ничего не скажу без своего адвоката, - неожиданно вы-

паливает он, явно дублируя кого-то из взрослых. – Вы знаете, кто мой отец?

Украдкой я делаю короткую запись в блокноте. Матвей закрывается от меня и защищается, как умеет. Пугает авторитетом, которого, скорее всего, сам боится... Не мешаю ему, а наоборот, даю полную свободу самовыражения. Мне важно понять, что происходит в его семье.

- Хм, и кто же?

- Он военный! Богатырев, - гордо заявляет он.

Фамилия бьет наотмашь, заставляет мое сердце ухнуть вниз и разбиться на тысячи осколков.

Я знала лишь одного Богатырева – и это последний человек на планете, с кем я хотела бы сейчас встречаться. Он для меня умер десять лет назад, так пусть покоится с миром.

- Испугались? – по-своему трактует мое замешательство Матвей.

Неловкую паузу разрывает громкий, требовательный стук в дверь, и она тут же распахивается. В кабинет наглым вихрем врывается до боли знакомый голос, от которого кровь ускоряет свой бег и кипящей лавой растекается по венам.

- Здравия желаю. Вызывали? – звучит бодро, четко, с легкой хрипотцой. - Я за этим бандитом.

- Ого! – удивленно восклицает Матвей. - Батя приехал!

Мальчишка срывается с места, едва не опрокинув стул, и с разгона врывается в ноги вошедшего в кабинет мужчины, на которого я не рискую посмотреть. Тот бархатно смеется,

поднимает сына на руки, усаживает кабанчика на один локоть и держит легко, будто он весит не тяжелее перышка.

- Привет, боец. Накосячил, пока меня не было?

Потрепав мальчишку по макушке, он без особого энтузиазма переключает внимание на меня. Теплая улыбка, адресованная не мне, застывает на его тонких, поджатых губах, густые брови хмурятся, черты лица ожесточаются.

Неужели тоже узнал?

Вряд ли... Десять лет прошло. Мы изменились.

От неожиданности и шока я на доли секунды немею.

Мы встречаемся взглядами, и оба бьемся о бетонную стену, которая за эти годы выросла между нами до небес. Он сам ее возвел, когда бросил меня. Оставил другу, как трофей.

Передо мной мужчина, которого я когда-то полюбила больше жизни, а потом долгие годы ненавидела до смерти. Тот, кому я отдала душу, хотя он так и не стал моим.

Данила Богатырев.

Счастливый отец, чужой муж, примерный семьянин.

С сыном от другой женщины на руках.

- Привет, Колючка. Надо же, совсем не изменилась, - непринужденно выдает он, как будто между нами нет пропасти в десять лет. - Давно вернулась в Питер?

Отпустив ребенка, Данила скрещивает руки на мощной груди и, наклонив голову, бесцеремонно рассматривает меня. Чувствую себя обнаженной под прицелом его теплого взгляда. Он улыбается, показывая, что рад меня видеть, и в

уголках серых глаз собираются морщины.

Я удивленно выгибаю бровь. Серьезно? Вот так просто? Будто мы старые добрые друзья, которых жизнь раскидала по разным городам и спустя время случайно соединила в одной точке. Мы как бывшие одноклассники на встрече выпускников.

Впрочем, я и была для него обычной проходной девушкой, от которой легко отказаться. Коротким путешествием. Быстро наскучившим рейсом. А он стал моим билетом в один конец. Первой и последней любовью, после которой сердце вдребезги и ремонту не подлежит.

Я думала, что похоронила его, но спустя вечность он снова стоит передо мной как ни в чем не бывало, из плоти и крови. Повзрослевший, уставший, словно полжизни потерял, с легкой сединой на аккуратной бороде и висках. Но все такой же бескомпромиссный танк, который прет напролом.

- Здравствуйте, меня зовут Николь Николаевна, - совладав с эмоциями, холодно представляюсь. - Я школьный психолог и вызвала вас, чтобы поговорить о поведении Матвея.

Я провожу красную линию между нами, а он беспардонно топчет ее грубыми подошвами. Нагло усмехается, как в день нашего знакомства, вразвалку подходит ближе, упирается кулаками в край стола, и мое сердце начинает ныть с новой силой.

- Сменила профиль?

- Извините, мы знакомы?

Схлестываемся взглядами, и атмосфера в кабинете накаляется. Я сохраняю равнодушное выражение лица, как бы мне не было сложно и больно. Он мрачно сводит густые брови к переносице. Атомы кислорода взрываются между нами, воздуха не хватает. Секундный зрительный контакт становится персональным адом.

- В прошлой жизни, - он отводит потухший взгляд, и я судорожно выдыхаю с облегчением. Данила переключается на сына, который жмет к нему и с преданностью ловит каждое слово. - Какие претензии к нашему бойцу? Если хулиганит, дадим дома ремня, не вопрос, - подмигивает ему, ласково щелкнув пальцем по носику.

Матвей беззаботно смеется, обнимает отца крепче, будто давно его не видел и дико соскучился, а я впервые в своей практике не понимаю их отношений. Слова расходятся с действиями.

- Нельзя бить ребенка, - подскочив с места, я огибаю стол и оказываюсь напротив Богатырева. - Вы подрываете его доверие и лишаете базовой безопасности. Он будет думать, что прав тот, кто сильнее, и переносить свой опыт на сверстников. Неудивительно, что Матвей так ведет себя в классе...

- Так, притормози, - с хриплым смешком осекает меня Данила, выставя ладони вперед, будто защищается. - Как была занудой, такой и осталась. Я пошутил, никто Матвея и пальцем не тронет, - улыбнувшись, он наклоняется к сыну и шепчет ему на ухо: - В коридоре подожди меня.

Мальчишка послушно кивает, хватает портфель и, вежливо попрощавшись со мной, выходит из кабинета. В присутствии папы он становится шелковым. Ни капли дерзости и хамства. Как будто его подменили.

- Послушай, Ника, - по-свойски обращается ко мне Данила, но спотыкается о мой предупреждающий взгляд и резко меняет тон на деловой: - Николь... Николаевна. У пацана непростой период.

- Проблемы в семье?

- Можно сказать и так.

- Я могу дать контакты хорошего семейного психолога. Для взрослых, - многозначительно произношу, намекая на них с женой.

- Тц, нет, спасибо. Боюсь, медицина тут бессильна, - устало закатывает глаза, но в подробности меня не посвящает. - Я лично поговорю с Матвеем, обещаю. Он парнишка понятливый, будет исправляться. Дай нам немного времени.

- Если нужна квалифицированная помощь...

- При всем уважении, Николь, мы торопимся, - перебивает меня, покосившись на часы. - Мне надо успеть бойца матери отдать, а потом срочно в офис. Приятно было увидаться.

Он протягивает мне ладонь, и я машинально подаю свою в ответ. Горячее рукопожатие разрядом тока отдает по всему телу. Данила не отпускает мою кисть, разворачиваетк себе тыльной стороной, большим пальцем проводит по безымянному пальцу, на котором нет кольца.

- Ты в разводе? Что случилось?

- Не ваше дело, - выдергиваю ладонь из жаркой хватки.

Прячу руки за спину, делаю шаг назад.

- Согласен, не мое, - он тут же наступает, сокращая расстояние между нами. Подумав, ныряет рукой в карман и дает мне визитку. – Звони, если что-нибудь будет нужно. По вопросам Матвея или просто без повода. В любое время, - рокошет с будоражащей хрипотцой, касаясь сбивчивым дыханием моего виска. – Если хочешь, давай встретимся. Пообщаемся, как раньше, вспомним молодость.

- Богатырев, - возмущенно повышаю голос и отталкиваю его.

Он с места не двигается. Перехватывает мои запястья, фиксирует на своей груди и застывает, как каменная глыба. Я чувствую, как его железное сердце тарахтит под моими беспомощно стиснутыми кулаками.

- Я весь внимание, Колючка, - наклоняется к моим губам. Замирает в сантиметре, готовый сорваться по одному моему сигналу. А мне обидно до едкой горечи во рту.

Десять долбанных лет! Он просто исчез. Испарился, не сказав ни слова. Ни разу не вспомнил обо мне. Женился, обзавелся семьей – и чувствовал себя прекрасно. Даже не поинтересовался, как я жила все эти годы без него, а сейчас готов наброситься на меня, как голодный волк.

- Постарайся исчезнуть из моей жизни, как однажды уже сделал это, – отчеканиваю строго и четко, и он меняется в

лице. - Всего доброго, Данила.

Выкрутившись из его объятий, я возвращаюсь к столу. За моей спиной с грохотом захлопывается дверь, едва не слетая с петель. Когда оборачиваюсь, в кабинете уже никого нет, лишь тяжелые шаги гремят по коридору.

- Мам, ты все? – заглядывает ко мне Макс. – Уроки закончились. Поехали в спортцентр? Или я на баскетбол опоздаю! Мамуль, а после тренировки мы пойдем в гости к тете Насте? Пожалуйста!

Бесперебойный детский лепет приводит меня в чувство. Я обнимаю сына, утыкаюсь носом в его макушку и только сейчас осознаю, что меня мелко трясет. Даю себе пару секунд передышки, чтобы собраться с духом и жить дальше. Как будто не было этой дурацкой встречи с призраком из прошлого.

Глава 2

Данила

- Давай поедem в парк? – просит Матвей, пока я пристегиваю его ремнем безопасности.

- Не сегодня, боец. Ты проштрафился в школе, а у меня дел много.

- Я больше так не буду, обещаю, - складывает ладошки в умоляющем жесте.

Привык малец, что я его все время балую, и веревки из меня крутит. А я поддаюсь. Дети - моя слабость, особенно когда речь идет о родной крови. Ни в чем отказать ему не могу. Но именно сейчас я озабочен другими проблемами и физически не успею провести с Матвеем вечер. Я и так сорвался с работы, чтобы забрать его из школы.

- Я посмотрю на твое поведение. Постарайся больше не огорчать учителей и... Николь Николаевну, - тяжело сглатываю внезапно образовавшийся в горле ком.

Ника... Ее имя обжигает язык, вгрызается в глотку, как бешеный ротвейлер, рвет внутренности и ломает ребра. Пробуждает мучительные воспоминания, которые хранились все это время под замком.

Я запрещал себе думать о ней. Потому что это чертовски больно.

- Если я буду хорошо себя вести, ты останешься? – голос

Матвея пробивается сквозь вакуум, в который меня погрузили отголоски прошлого.

- Останусь, - бормочу сдавленно, балансируя на тонкой грани между прошлым и настоящим.

Я поднимаю опустошенный взгляд на окна школы. С силой дергаю себя за ворот свитера, яростно оттягиваю, пока ткань не начинает трещать.

Педаль газа - в пол, чтобы скорее покинуть это место. И оказаться как можно дальше от нее. Сбежать. Испариться. Исчезнуть, как она попросила.

Кондиционер - на максимум. Все равно задыхаюсь.

Кажется, что я все еще нахожусь в тесном кабинете с Никой.

Я пропитался ей до нитки, хотя почти не касался. Вся одежда отдает ее нежной сладостью с пикантной остринкой. Это не аромат дорогих духов – он ценнее и эксклюзивнее. Я до сих пор его помню. Особый запах женского тела, который не перепутать ни с чьим другим. Неповторимый, знакомый, такой свой... и одновременно чужой. Бьет в голову похлеще алкоголя. Он не изменился, как и сама Ника.

Красивая, дерзкая на язык, строптивая, с обостренным чувством собственного достоинства.

Не похожая ни на кого. Единственная. Не моя...

Десять лет прошло, а меня кроет рядом с ней, как в нашу первую встречу.

- Проклятие! – бью по рулю, припарковавшись у дома. До-

брался как в тумане.

- Ма-ма-а! – вопит что есть мочи Матвей, выскакивая из машины. – Батя приехал!

На крыльце появляется Алиска, кутается в шаль, мягко улыбается мне, пока сын обнимает ее за талию. Не горю желанием общаться, но надо хотя бы поздороваться.

- Зайдешь, Дань? Я на стол накрыла, пообедаем вместе. Ты, наверное, как обычно, поесть не успел за день.

Хлопаю дверью машины. Подхожу к Алиске, мы быстро касаемся щеками. Матвей смеется, и я с улыбкой опускаю ладонь на его макушку.

- Нет, спасибо, я спешу. Дела не ждут, - коротко и строго отсекаю, чтобы не уговаривала. – В офисе без меня бардак. Я пока в Карелии у матери был, мои орлы здесь косячили. Пора порядок наводить.

- Как себя чувствует Аглая Ивановна?

- Тебя правда это интересует? – недоверчиво прищуриваюсь, глядя на нее исподлобья. - Между вами со дня свадьбы натянутые отношения.

- Она же моя свекровь, Дань! – вспыхивает. Почти верю. - Не чужой человек. Несмотря ни на что, я беспокоюсь о ней.

- Кризис миновал, мама идет на поправку. Я бы забрал ее в Питер, показал нашим врачам, но она ни в какую не соглашается. Твердит упрямо, что родилась в Карелии – там и помрет.

- Ты рассказал ей...

- Нет, - резко перебиваю, не позволяя договорить. – И ты молчи, если позвонит. У нее сердце слабое, не выдержит. По- няла?

- Как скажешь, - отводит взгляд. – Вечером будешь?

- Вряд ли. Не ждите.

Наклоняюсь к Матвею, чтобы поцеловать его на проща- ние. Отворачивается. Недоволен, что я уезжаю, и показыва- ет характер. Богатыревский.

- До завтра. Веди себя хорошо, - отбиваю его кулачок. – А ты проследи за сыном, совсем от рук отбился, - с укором смотрю на Алиску.

- Ты знаешь, почему, - поджигает губы и часто моргает. Глаза наполняются слезами. Ненавижу такие моменты, как будто я всем должен и катастрофически не справляюсь.

- До встречи.

Я скрываюсь в машине, бью по газам. Асфальт горит под шинами колес.

В груди все еще полыхает пожар. Сжигает меня дотла. Мысли улетают в школьный кабинет психолога. Мозгоправ бы мне не помешал, чтобы стереть ее из памяти.

Проклятая Ника. Что ты опять со мной делаешь?

Седьмой этаж высотного бизнес-центра встречает меня суетой, нервными перешептываниями и сумасшедшей бе- готней. Подчиненные носятся по кабинетам, как тараканы при включенном свете, имитируя бурную деятельность.

В Карелии я отвык от городского шума. Бизнесом руково-

дил дистанционно, особые задания по поиску информации для VIP-клиентов выполнял лично, ведь для этого нужны лишь мозги и ноутбук. На протяжении многих месяцев, пока болела мать, я практически не выезжал из родительского домика в лесу – и в коем-то веке поймал дзен. Абстрагировался от реальности, которая никогда меня не щадила, ушел от проблем и воспоминаний.

Однако настало время вернуться в свою жизнь и сразу же влиться в гуцу событий.

- Здравия желаю, Данила Юрьевич, - бодро приветствует меня Мокрушин, начальник службы безопасности.

В молодости мы вместе тянули лямку на корабле, но почти одновременно вынуждены были попрощаться с флотом. Он был ранен в одной из военных операций и ушел как герой, а я - с позором, потому что получил срок на берегу... Но спустя годы судьба свела нас вместе. Мокрушину нужна была работа, чтобы не перебиваться с копейки на копейку, а я уже был в состоянии предоставить ему хлебное место в своей компании.

После освобождения мне пришлось думать, как жить дальше. Я лично поставил крест на карьере офицера, когда сел за младшего брата. Но, как говорится, если закрывается одна дверь, то обязательно откроется другая. Так и получилось. Новые, совершенно неожиданные связи и знакомства помогли мне запустить свое дело. Пятно на репутации не помешало вести бизнес. Наоборот, мне доверяют самое ценное

– собственную безопасность.

Я сомневался, что смогу чего-нибудь добиться.

Бывший военный с судимостью, поднявшийся со дна.

В первое время я арендовал несколько помещений, но дело стремительно росло, от клиентов не было отбоя, так что впоследствии пришлось занять весь этаж. Постепенно расширялись и штат, и перечень услуг, и количество запросов, пока мы не выросли до серьезной компании.

Сейчас мы занимаемся всем, что связано со сферой безопасности. Охрана под ключ, сигнализация, защита и поиск информации, личное сопровождение – любой каприз за деньги заказчика.

- Данила Юрьевич, здесь данные из военных архивов, которые вы запрашивали по делу Демина, - рапортует Мокрушин, с хлопком опустив увесистую папку на мой стол.

- Тц, твою мать, - недовольно цыкаю на него, забирая документы. – Я же предупреждал, повышенный уровень секретности.

- Так точно, - невозмутимо чеканит он, выпрямившись по стойке «Смирно». - Мы одни в кабинете.

- Даже у стен есть уши, - устало откидываюсь на спинку кресла, покачиваясь в нем и осматривая помещение, от которого успел отвыкнуть.

Остро не хватает свежего воздуха, природы, зеленых пейзажей за окнами, зато душных идиотов вокруг - в избытке. От людей я тоже отвык.

- Обижаете, начальник, - хмурится Мокрушин. - Ваш кабинет в этом плане полностью безопасен. Мои люди собственноручно здесь все уши заткнули. Есть еще какие-то распоряжения?

- Будут — вызову, а пока свободен.

Как только за подчиненным закрывается дверь, я с головой погружаюсь в бумаги Демина.

Это особое задание, потому что оно касается моего друга. Ради него я вернулся в Питер. Михаилу грозит трибунал за пожар на крейсере, который произошел по чужой вине. Я землю рыть буду, чтобы доказать его непричастность и отдать под суд настоящего преступника. Когда-то Демин был моим командиром на флоте. Прикрывал всегда, из любых передраг вытаскивал, но и галюнь мыть мог отправить за дело. Справедливый и честный, порой чересчур, поэтому в переломный момент моей жизни мне пришлось отвергнуть его помощь. Я не хотел вмешивать его в свои проблемы с законом.

Теперь помощь нужна ему, и я не имею морального права отказать. Тем более, Михаил скоро женится... на сестре Ники. При таком раскладе глупо было надеяться, что мы не пересечемся. Где-то в глубине души я ждал этой встречи, но не так скоро! Впрочем, что бы изменилось? Я хотел лишь в глаза ей посмотреть и убедиться, что она в порядке и счастлива.

Посмотрел. Но ни черта не успокоился.

Оказывается, она развелась. Почему? Они с Лукой выглядели идеальной парой на гребаных свадебных фотографиях, которые мне прислали прямоком из Сербии.

Моя любимая девушка и лучший друг. Двойной удар, которого я заслужил.

Сам виноват и не осуждаю Нику. Она сделала свой выбор. Любая поступила бы так же на ее месте.

Но что случилось потом?

- Колючка, - снова вырывается из горла.

Папка Демина захлопывается, летит на край стола. Я не могу сосредоточиться на делах, буквы скачут перед глазами, собираясь в образ Ники. Выдержка трескается по швам, и я даю слабину. Рука сама тянется в карман.

В портмоне ее фотография. Последняя. Со свадьбы. Хра-ню ее по старинке, только Луку отрезал и выбросил. Жаль, что в жизни нельзя так же.

Большим пальцем веду по миловидному лицу, очерчиваю воздушные волны белоснежной фаты, касаюсь линии корсета на груди. Красивая... Ника смотрит в кадр с легкой тоской и укором, будто ее взгляд адресован мне. На прощание.

«Я люблю тебя, Дань», - шелестит в ушах. Наивно, тихо и нежно, но метко в душу.

- И я тебя, маленькая, только ты об этом так и не узнала, - выдыхаю в пустоту.

Прячу снимок, пока он не довел меня до срыва.

Я перестал следить за Никой после того, как она уехала в

Сербию за мужем и родила от него сына.

Оторвал с мясом. Мысленно пожелал счастья.

Ей. Но не ему...

Какого черта натворил Лука? Чем ее обидел?

Почему она уехала вместе с ребенком? Ведь не просто так они развелись. Должна быть причина, и довольно весомая для того, чтобы оставить сына без родного отца.

Много лет назад я поклялся не лезть в Никину семью. Я пробил ее по базам лишь единожды... Смалодушничал. Но как только проверил, что у нее все хорошо, то решил не мешать ей строить счастье с другим. Она достойна лучшего.

Отпустил, но не забыл.

После сегодняшней встречи все мои обещания летят к черту.

Все-таки срываюсь...

Подумав, я открываю ноутбук, запускаю базы данных и яростно вбиваю в строку ее имя.

Николь Томич (Прохорова).

На секунду пальцы замирают над клавиатурой. Я знаю, что это точка невозврата. Увязнув в ней снова, я больше не смогу выбраться.

ENTER. Идет поиск...

С возвращением в ад, Богатырев.

Глава 3

Николь

- Папа? – с сомнением шепчет Макс, когда мы заходим в квартиру.

Я напряженно замираю на пороге, прислушиваюсь к голосам, доносящимся из кухни, и вместе с добрым маминым улавливаю басистый мужской, от которого к горлу подкатывает горечь обиды. Импульсивно сжимаю руки в кулаки, и ключи больно врезаются в ладонь. Я не чувствую дискомфорта – накатившая ярость в стократ сильнее.

Как он посмел заявиться сюда? После всего, что натворил. Извальял меня в грязи, а теперь как ни в чем не бывало пьет чай с моей мамой.

- Надолго ты в России, Лука?

- Задержусь... пока не верну Нику и сына.

От возмущения я теряю дар речи.

Подлец!

Судорожно хватаю ртом воздух, в то время как Макс бросает сумку со спортивной формой в коридоре, неуверенно заглядывает на кухню, но войти не решается.

Ему было шесть, когда мы с мужем развелись. Он осознавал, что происходит, замечал мои слезы, как бы я ни пряталась от него, рыдая ночами в подушку, но никак не мог понять, почему папа нас прогнал. Лихорадочно искал причи-

ны... в себе. Невыносимо было наблюдать за мучениями ребенка. Первое время он плакал и скучал, обещал вести себя хорошо, чтобы отец простил нас и позвал домой. А потом вдруг замолчал, ушел в себя, будто резко повзрослел.

Как я могла объяснить сыну, что дело не в нас, а просто его папа – гнусный предатель? Три года бесед и терапии, чтобы у Макса не развились комплексы, и сейчас, когда мы научились жить без него, Лука вернулся.

- Хм, ты сильно обидел мою дочь...

- Я знаю. Мне нужно было время, чтобы все обдумать и принять решение.

Горько усмехаюсь. Долбанный решала!

Я с размаха захлопываю дверь, чтобы обозначить свое присутствие. Грохот раздается по всей квартире, петли скрипят, голоса затихают. Сгорая от гнева, я бешеной фурией влетаю на кухню. Скрестив руки на груди, окидываю недовольным взглядом представшую передо мной семейную идиллию. Мама подливает чай моему бывшему мужу, хотя уместнее был бы цианистый калий, он вальяжно расселся на кухонном диванчике, как хозяин дома, на столе два огромных букета роз - мне и маме.

- Что ты здесь забыл, Лука? – холодно бросаю, не оценив его жалкие потуги помириться.

- Доченька, тебя ждем, - поворачивается ко мне мама. Улыбка слетает с ее лица, уступая место растерянности. - Я подумала, что вам не помешало бы поговорить...

- Фарш не провернуть назад, мам, - перебиваю ее резко.
— Ты ведь взрослая женщина, а открываешь дверь каким-то мошенникам, - ехидно выплевываю, испепеляя взглядом незваного гостя.

Ненавижу его! До сих пор... Проигрываю в голове последнюю сцену моего позора. И никакие психологические практики не помогают.

- Мамуль, это же наш папа? — тихонько уточняет Макс, дергая меня за юбку.

Сердце рвется.

Сыну нужен папа, но это не взаимно.

Лука ориентируется молниеносно. Увидев, что я на контакт не иду и от его роз не расплываюсь подтаявшим мороженым к ногам, он переключается на ребенка. От которого сам отказался три года назад.

- Привет, сынок, соскучился? Я о-очень, - лицемерно тянет. — Смотри, что я тебе привез.

С кривой искусственной улыбкой он поднимает большую коробку с конструктором «Майнкрафт». Зазывно встряхивает ее, грохочет деталями.

Какая бездарная попытка манипуляции, но... действенная.

Шах и мат. Я знаю, что Макс обожает эту игру. Коллекционирует все, что с ней связано. Первого сентября он торжественно клялся мне учиться на одни пятерки, чтобы в награду получить подобный набор в конце года.

Лука подготовился к встрече. Я – нет. Меня раздражает моя беспомощность, когда речь идет о сыне.

- Я уже взрослый, - неожиданно бурчит Макс, прижимаясь ко мне. Бросив грустный взгляд на коробку, отказывается от подарка из вредности. – Я больше не хочу в это играть.

- Ладно, тогда пойдем в магазин и купим все, что ты попросишь, - не сдается Лука, поглядывая на меня. Будто наказывает или испытывает на прочность. - Максимка, ты хочешь домой?

Встав из-за стола, бывший подходит к нам и приседает напротив сына. Ему бы на колени перед ним встать за то, что говорил и делал, но на самом деле он даже не раскаивается. Это все какая-то дурацкая игра, правил которой я не знаю.

С трудом держусь, чтобы не сорваться и не расцарапать наглую морду гада. Я на грани. Но психика сына для меня важнее сатисфакции.

- Я дома. С мамой, - пожимает плечами мой сильный, смелый мальчик.

Макс неожиданно становится передо мной, уперев руки в бока, будто защищает меня собой. Я так горжусь им, что готова расплакаться. Погладив сына по макушке, притягиваю его к себе и обнимаю.

- Натравила ребенка против меня и радуешься? – цедит Лука, подняв недовольный взгляд на меня.

- Ты без меня справился, - цежу сдавленно, не повышая голоса. Наклонившись, целую Макса в щеку и передаю его

матери. – Идите в комнату, - предупреждающе смотрю на нее, - сейчас же. Забери его и включи мультики. Я не хочу, чтобы он слышал, о чем мы будем говорить с этим... человеком, - проглатываю ругательство, покосившись на бывшего.

- Дочь, не руби сгоряча, - пытается вразумить меня мать.

Злюсь еще больше, как будто она тоже предала меня сегодня. Стиснув зубы молча указываю ей на выход из кухни. Провожая сыночка, плотно прикрываю за ними дверь и разворачиваюсь к Луке.

- Какого черта ты к нам приперся? – шиплю с первобытной яростью, накопившейся во мне за эти годы. - У тебя теперь другая семья. Ребенок. Мальчик, если я не ошибаюсь? Наследник фамилии, - повторяю его же слова, которые когда-то плевком прилетели мне в лицо.

- Узнавала обо мне? – удивленно выгибает бровь. – Я всегда думал, что тебе насрать на меня.

Лука идеален до кончиков волос, но... я так и не смогла его полюбить. Разучилась. Все чувства атрофировались. Он брал меня замуж сломанной, опустошенной, вывернутой наизнанку – и прекрасно знал об этом. А сейчас, после предательства, ищет хоть какие-то эмоции в моих глазах, но натывается на крепостную стену, окруженную рвом с кипящей смолой.

- Правильно думал, - выдаю грубо. – Мне абсолютно неинтересна твоя новая семья, но бывший свекор просветил. Он позвонил мне через пару месяцев после нашего развода.

Спрашивал, почему я так поступила с тобой. Ему невдомек, как я могла изменить тебе. Мне, если честно, тоже, - роняю с укором, однако Лука лишь ухмыляется, отводя взгляд. - Знаешь, он не обвинял меня и не оскорблял. Наоборот, хотел отправить мне денег на Макса. Понимал, что нам может быть тяжело. В отличие от тебя, родного отца...

Он морщится, будто ему неприятно это слышать. Какие мосты он собрался наводить между нами, если так и не считает Макса своим?

- Странно, папа мне не рассказывал о вашем разговоре, - задумчиво потирает гладко выбритый подбородок.

- Наверное, потому что я послала его вместе с деньгами очень далеко и сказала, что мне ничего не нужно от вашей семьи.

- Ты всегда была дерзкой, Николь, этим мне и нравилась, - хмыкает он с ностальгией. Приблизившись ко мне вплотную, берет за руки, и ласково шепчет в губы: - Не дури, возвращайся. Я знаю, что за эти три года у тебя никого не было. Ты прощена.

Широкие, липкие ладони, от которых я отвыкла, опускаются на мою талию, сжимают до боли, будто пытаются не обнять, а переломить, длинные пальцы нещадно врезаются в бока.

Лука собирается меня поцеловать.

Я окончательно теряю самообладание. Планка, которая все это время держалась на соплях, сейчас слетает. Я слаба

и беспомощна в руках здорового мужика, который мне противен, и это приводит меня в бешенство. Не замечаю, как в состоянии аффекта набираю полный рот слюны и с презрением плюю ему в лицо.

Он отшатывается, как от шальной пули, недоуменно проводит ладонью по щеке и губам. Сплевывает с отвращением, яростно вытирается. И грозно смотрит на меня.

В этот момент я понимаю, что он может и ответить. Нет, Лука никогда не бил меня в браке, но и я относилась к нему с уважением и благодарностью. Я правда старалась быть для него хорошей женой. Но мои попытки в итоге были растоптаны грязными подошвами.

- Вот же дрянь, - оскорбленно вздыхает Лука.

Импульсивно я хватаю увесистую коробку с конструктором на случай, если придется защищаться.

Прости, Макс, я куплю тебе еще лучше, как и обещала.

Замахиваюсь, тихо процедив: «Не подходи».

- Не устраивай сцен, - хмуро наблюдает бывший за моими действиями. Оценив риски, отходит от меня на безопасное расстояние. - Я приехал не для того, чтобы с тобой драться.

- А зачем, Лука? – взрываюсь. Меня всю трясет, как в лихорадке, руки дрожат, отчего пластиковые фигурки угрожающе стучат друг об друга в коробке. - Что тебе нужно от нас?

Он отворачивается к окну, раскрывает створки настежь, выпуская в помещение прохладный осенний сквозняк и капли дождя. Упирается кулаками в подоконник, делает глубо-

кий вдох, так что плечи поднимаются и все тело напрягается. Выдохнув, достает сигарету.

- Я же сказал, - цедит, зажав фильтр в зубах. – Ты! Возвращайся.

- Одна?

Чиркает зажигалкой. Осечка. Нет огня, как и в наших с ним отношениях.

Еще щелчок – и пламя сдувает порывом ветра.

- Черт! – шипит.

Я не выдерживаю. Снова смелею. Зажав конструктор подмышкой, как оружие, я нагло забираю у мужчины сигарету – и вместе с начатой пачкой отправляю в мусорное ведро.

- У нас не курят, сын не переносит дым.

- Сын, - заторможено произносит Лука, будто вспоминая о его существовании. Смотрит куда-то вдаль, на пасмурное небо, закрытое тучами. - Разумеется, с ним переезжай.

- А своего ты куда денешь?

- Он сейчас живет с моими родителями, а с Милой я расстался, - заявляет без эмоций. - Не сошлись характерами.

- Понравилось разводиться?

- Я на ней не женился. Зачем паспорт мать? – оглядывается на меня. Внезапный разряд молнии озаряет небо и отражается в его глазах. Выглядит зловеще. - За всю жизнь я тебе одной предложение сделал. И только с тобой был в официальном браке.

- Какая честь, - фыркаю с сарказмом.

На улице гремит гром, ливень усиливается, сплошной стеной обрушиваясь на землю, вода заливает подоконник, попадает на чистый, безупречный пиджак Луки, и он спешно захлопывает окно.

- Тише, Ника, мы оба понимаем, что снова сойтись – лучший вариант и для нас, и для твоего сына, - лениво убеждает меня, прохаживаясь по кухне. - Прекрати мне дерзить, пообщайся с Максом, объясни ему все с точки зрения своей гребаной психологии – и собирай вещи. Будем жить одной семьей, как раньше.

- Не слишком ли много условий для изменщика? – преграждаю Луке путь, чтобы посмотреть в его бессовестные глаза. А в них пустота, ни тени раскаяния. - Напомню, что это ты привел в дом любовницу. Не я!

Прищуренный взгляд бывшего пронзает меня насквозь. На дне зрачков плещется ненависть, но обращена она не ко мне.

- Твой любовник всегда был рядом с нами, - с претензией и ревностью чеканит Лука. - Третий лишний. Безвылазно лежал между нами в нашей постели.

- Ты бредишь, - я отрицательно качаю головой, нервно потирая лоб. – Ты помешался на нем, а я даже повода не давала...

- Ты звала меня его именем, - перебивает хлестко, словно отвесил мне словесную пощечину.

Повисает пауза. Я закусываю губу, прячу вспыхнувшее

лицо в ладони. Дыхание прерывается, в груди пожар.

Мне не стыдно, но я злюсь сама на себя за то, что так и не смогла забыть Его. Чувства мне неподвластны, однако свои поступки я всегда контролировала.

- Я тебе не изменяла, - упрямо стою на своем. – Я хранила верность, а ты - нет.

Молчит. Буравит меня снисходительным взглядом, будто делает одолжение.

- Хорошо, - бесстрастно выдыхает. - Если настаиваешь, я дам тебе слово, что больше ни на одну женщину не посмотрю. Но и ты будь нежнее и внимательнее ко мне. Все зависит от тебя.

Мысленно отсчитываю секунды... чтобы не убить его.

Три-две-одна...

Меня мелко потряхивает. Все методики самоуспокоения летят к чертям собачьим.

- Пошел вон! – срываюсь в крик. - Чемодан-аэропорт-Сербия! И не возвращайся больше.

- Николь, ты сейчас на эмоциях, - убеждает он меня, примирительно выставив ладони перед собой. - Обдумай спокойно мое предложение – и перезвони. Я буду ждать.

- Тебе показать направление, куда ты послан, или сам сориентируешься? Выход там, Лука.

Я буквально выталкиваю его в коридор. Он так растерян, что не сопротивляется. Лишь сбивчивое, недовольное дыхание и тяжелые шаги гремят по квартире. Лука надеялся, что

я приму его с распростертыми объятиями, но вместо этого он оказывается босиком на лестничной площадке.

- Катись к черту, благодетель! – выплевываю на прощание.

Я пинаю его ботинки через порог, бросаю в него куртку – и захлопываю дверь перед его опешившим лицом. Припадаю спиной к деревянному полотну, сползаю вниз, прижав руку к груди. Из последних сил отбиваюсь от накатывающих волн истерики. Сглатываю горькие слезы, которые так и рвутся наружу.

Сумасшедший день. Моя психика не выдерживает.

Данила, Лука... Собрались одной компанией, как в старые добрые времена.

И снова хотят вывернуть мне душу. Растерзать в лохмотья, словно свора цепных псов.

Опускаю мокрые ресницы. Зажмуриваюсь до белых мушек перед глазами.

Дышу глубоко. Не помогает.

Слышу неуверенные шаги и шорохи. Моей макушки нежно касается материнская рука, гладит по волосам. Ласковый, успокаивающий голос шелестит над головой, вызывая жгучее желание по-детски зарыться в ее объятиях и плакать до утра.

- Никочка, он приехал неожиданно, так извинялся...

Соберись, Николь! Ты сама теперь мать!

И нужна своему сыну в здравом уме и адекватном состоянии.

- Мам, ты на Настином примере так и не сделала никаких выводов? – устало лепечу, поднимаясь с пола. - Сначала сестре предателя Валенка сватала, теперь меня пытаешься подлецу Луке сплавить. Так не терпится от дочерей избавиться?

На ватных ногах я бреду на кухню, достаю две тяжелые охапки цветов из ваз – и без сожаления выбрасываю их в окно. Автомобиль Луки, припаркованный внизу, взрывается сигнализацией, а сам он скорее спешит через весь двор к своей "ласточке".

- Прости, я думала, вы сможете все обсудить и помириться, - мама продолжает суесться вокруг, в то время как на меня накатывает полнейшая апатия. - Ты же толком не рассказывала, что произошло. Ну, оступися мужик один раз, бывает, но сейчас он выглядит так, будто все осознал и искренне жалеет о случившемся.

- Я не прощу его, мам, - отрезаю безапелляционно. - Он не только меня предал, но и Макса. Не впускай его больше. Будет настаивать – вызывай полицию.

- Поверить не могу. Полицию? - ахает она, хватаясь за сердце. - Лука очень интеллигентный молодой человек.

- Усынови его, - грублю ей, машинально убирая со стола. - Вместо непутевых дочек, которые то и дело тебя разочаровывают.

- Глупости не говори, я же люблю вас! Сердце болит за вашу судьбу.

Складываю посуду в раковину. Кружка, из которой пил

чай Лука, выскальзывает из рук и разбивается вдребезги. К осколкам не притрагиваюсь – их вид меня успокаивает. Не хочу оставлять в доме ничего, что он лапал своими грязными руками. Брезгую.

- Все у нас хорошо, мам. Настюша скоро замуж выходит, а мне и без мужиков прекрасно живется. Знаешь, наелась я этой любви. Сыта по горло.

- Как скажешь, дочка. Я в любом случае на твоей стороне. Мама подходит ко мне сзади, обнимает за плечи. Прикрыв глаза, я мягко улыбаюсь.

Мне больше некому довериться.

- Мамуль, папа ушел? – вкрадчивый шепот сына мгновенно приводит меня в чувство.

- Да, милый.

- Он больше не приедет?

Я лихорадочно стираю слезы, оборачиваюсь и опускаюсь на колени. Беру сына за плечи, тревожно заглядываю в его глаза. Боюсь найти в них тоску и обиду, но вижу лишь не по возрасту мужскую решительность.

- Не думаю, - целую его в лоб. - Мы останемся с тобой вместе. Все будет по-старому, не переживай.

- Главное, чтобы ты не плакала, - твердо заявляет он, дотрагиваясь пальчиками до моих раскрасневшихся щек. На эмоциях я порывисто обнимаю сына, растроганная его заботой.

- Не буду. Обещаю, - улыбаюсь, с трудом сдерживая рва-

ный всхлип. - Так, давай ужинать и спать! Завтра нас тетя Настя в агентстве ждет, будем с близняшками торт на ее свадьбу выбирать. Без вашего экспертного мнения никак.

- Супер! – восклицает Макс, чмокая меня в щеку. - Мы с сестренками в этом деле профессионалы. Можете на нас положиться.

Сын игриво подмигивает мне, демонстративно почесывает живот и заливисто, беззаботно смеется, будто забыл об отце, а я опять чувствую себя самой счастливой мамой на свете. Имея такую поддержку, я обязательно справлюсь со всеми вывертами судьбы. И все у нас будет хорошо.

Глава 4

На следующий день

Николь

Нежнейший бисквит с орехами, мягкое, пористое суфле, тающий на губах сливочный крем, йогуртовые пирожные со свежими фруктами и ягодами, шоколадный мусс и морковный чизкейк, старый добрый бабушкин Сметанник и яркий, дерзкий Красный бархат, народный Медовик и вычурный Дакуаз... От разнообразия начинок глаза разбегаются, однако зубы сводит от сахара и во рту приторно, будто патоки налили. Вкусовые рецепторы атрофировались после третьего кусочка, а тортики все никак не заканчиваются.

Свадебный салон моей сестры сегодня превратился в выездную кондитерскую. Стекланный столик, на котором обычно лежат эскизы, сейчас завален аккуратными порционными коробочками. От одного взгляда на изобилие лакомств развивается сахарный диабет.

- М-м-м, как вкусно, - довольно мычат дети с набитыми ртами.

Они по-настоящему счастливы, будто выиграли джек-пот из пирожных. Близняшки Ариша и Поля с удовольствием пробуют все виды крема, облизывают пальчики, блаженно прикрывая глаза. Кроха Мишаня у Насти на коленях тоже тянется к запретным сладостям, но она пересаживает его в

коляску и вкладывает в маленькую ручку детское печенье – остальное ему пока нельзя. Тем временем Макс с серьезным видом гурмана пластиковой вилкой отламывает кусочек Наполеона, погружает в рот и одобрительно кивает.

Мой сын - невероятный сладкоежка, хотя ни я, ни Лука никогда не питали особой страсти к кондитерским изделиям. Макс же готов поглощать их килограммами, если дорвется. И сегодня явно его день.

- Полезные начинки - писк сезона, - воодушевленно вещает лучший кондитер, с которым давно работает Настя, и опускает перед нами еще один наполненный сладостями поднос.

- Ох, я сдаюсь. Не могу больше, - отваливаюсь от стола, отрицательно качнув головой. - Я переела. Настюша, твоя очередь, ты толком ничего не попробовала.

- М? – отрывается она от дисплея телефона. Взгляд беспокойный. – Знаешь, я так волнуюсь, что мне все равно. Сомневаюсь, что на свадьбе я буду думать о торте. Мне кажется, в панике обо всем забуду.

- Ты что, сестренка, не нервничай. Все же хорошо! Ты организуешь свадьбу своей мечты, - приободряю ее, чмокая в щеку. – Дети, вся надежда на вас, - подмигиваю сыну и племянникам.

- Торт на банановом бисквите идеален для тех, кто следит за фигурой и придерживается правильного питания, - кондитер презентует очередной шедевр кулинарного искусства.

- Состоит из двух коржей, арахисовой начинки, крема из рикотты, творожного сыра и шоколада без сахара.

Ребята по очереди пробуют десерт – и синхронно кривятся, как сговорились. Их кислые мины выглядят совершенно одинаково, будто они тройняшки.

- Ой, тьфу, - сестренки вытирают рты салфетками, переглядываются и с надеждой косятся на мать. - Давайте мы дальше будем есть бесполезные десерты?

- Не бесполезные, а вредные, - важно исправляет их Макс. С трудом, но все-таки проглатывает свой кусок, запивает водой, чтобы протолкнуть. Воспитание не позволяет выплюнуть. – Согласен, это и правда невкусно, - тихо произносит. - Мам, можно я шоколадный торт доем?

- Смотри, чтобы ночью не стошнило, - предупреждаю одними губами и грожу пальцем.

Вздыхнув, Макс послушно садится на диван, сложив руки на коленях. Но стоит мне отвернуться, как он тайком тащит шоколадную фигурку со стола и целиком запихивает в рот. Кому-то точно вечером будет плохо.

- Спасибо вам, Ренат, достаточно, - тяжело вздыхает Настя, хотя сама ни к чему не притронулась. - Мы выберем из того, что есть.

- Как скажете, Анастасия...

- Танечка, забери, пожалуйста этот поднос, - она отдает помощнице тортики, которые забраковала детвора. - Так, родные, что вам больше понравилось?

- Кокосовый бисквит, - мило улыбается Поля.
- Йогуртовый! – перебивает Ариша, топая ножкой.
- Все вкусные, кроме полезных, - невозмутимо пожимает плечами Макс. Уплетает остатки шоколада за обе щеки. - Торт без сахара – деньги на ветер, тетя Настя.

Я расслабленно смеюсь, покосившись на сестру, а она снова погружена в телефон, будто ждет звонка от важного человека. Поймав мой укоризненный взгляд, Настя блокирует дисплей и обращает внимание на кондитера.

- Если мне не изменяет память, Анастасия, вы остановились на трехъярусном торте, - напоминает он, доставая планшет с заказами. - В каждом ярусе мы можем сделать свою начинку, так что все ваши дети останутся довольны.

- Спасибо, Ренат, так и поступим, - сдержанно улыбается она. – Что касается оформления, то свадьба будет в бело-голубых тонах. Акценты – незабудки и... море, - сипло выдыхает. Импульсивно сжимает телефон.

- Понял, я подготовлю и отправлю вам несколько вариантов украшения, - делает какие-то пометки в электронном блокноте. - Дата свадьбы?

- Все еще открытая, - голос Насти тускнеет. - Я сообщу, когда мы определимся.

- Тогда до связи, - кондитер прячет планшет.

Как только за ним закрывается дверь, я обнимаю сестру за плечи, притягиваю к себе и поглаживаю по голове, как ребенка. Я старше всего на три года, а отношусь к ней, будто

она совсем маленькая.

- Ты переживаешь, потому что твой Михаил не приехал на дегустацию? – спрашиваю чуть слышно, в то время как дети делят остатки десертов. – Мужики не настолько сентиментальны, особенно бывшие военные.

- Он обещал успеть, но... не отвечает.

- Опять на суде?

- Да, и все очень серьезно, - тревожно всхлипывает Настя.
- Возобновили дело семилетней давности. Миша пытается наказать виновных в пожаре на крейсере, а против него выступают люди статусные и при власти. Вдруг он не справится? И посадят, наоборот, его? – она начинает мелко дрожать в моих руках. - О какой свадьбе тогда речь...

- Тише, Настюша, мысли материальны. Думай о хорошем! Что у тебя на носу? – игриво щелкаю ее по кончику носа. – Свадьба у тебя на носу! Все хорошо будет, сестренка. Твой будущий муж и не из таких передраг выбирался, не дрейфь.

- Да... Ты, как всегда, права, - смахнув слезы, Настя воодушевленно улыбается. – Тем более ему Богатырев помогает.
Давлюсь воздухом.

- Кто?

По свадебному салону гармонично разливается музыка ветра, за спиной распахивается дверь - и вместе с прохладным, сырым осенним воздухом влетает суровый, по-армейски вышколенный, четкий голос:

- Виноват, опоздал.

- Па-а-па приехал! – вторят ему радостные вскрики близняшек.

Ариша и Поля наперегонки бегут к отцу, с разгона врезаются в него, крепко обняв и зажмурившись от счастья, а он легко поднимает на руки обеих, будто они пушинки. По очереди чмокает дочек в щечки, после чего с теплой улыбкой тянется к Насе, которая держит их сыночка.

- Привет, Мишенька, - нежно выдыхает она, целуя мужа. Младшенький тем временем лопочет на своем, выдавая довольное «па», и дергает отца за молнию куртки.

- Я все-таки не успел на дегустацию? – хмурится Демин, окидывая взглядом помещение.

- Неважно, дети выбрали лучший торт на нашу свадьбу. Доверимся их вкусу.

- Надо же папу тортиком накормить! – вопит Ариша и, спохватившись, просится на пол.

- Я оставила тебе самые вкусные кусочки! – подхватывает Поля.

Бархатно рассмеявшись, Миша отпускает дочек, и они мчатся к столику, чтобы взять коробочки с остатками сладостей. Несут свои запасы отцу, кормят его с рук, случайно перемешивая все виды начинок, но он ест с таким наслаждением, будто это изысканные блюда от шеф-поваров со всеми звездами Мишлен.

Макс молча стоит в сторонке и наблюдает за милой семейной картиной. Не подает вида, что его что-то волнует, дер-

жится по-мужски стойко, но в глазах затаилась тоска. Вздыхнув, я обнимаю сына, прижимаю к себе и ласково поглаживаю по макушке. Он посылает мне красноречивый взгляд, мол: «Не надо меня жалеть, все хорошо», а я наклоняюсь и целую его в щеку.

Мой сильный мальчик. Стойкий оловянный солдатик. Судьба послала мне его в награду после череды разочарований и испытаний. Чтобы я окончательно не сломалась. Я рада, что не смогла отказаться от него. Сохранила, несмотря на обстоятельства. Каким бы гадом ни был мой бывший муж, но он подарил мне маленькое счастье, и я благодарна ему за это. Если бы мне предложили отмотать время назад и исправить свою жизнь, я бы повторила все в точности, лишь бы не потерять Максика.

– Как у тебя дела, Мишенька? – шепотом спрашивает Настя, с мольбой и тревогой глядя на мужа. – Скажи, что все закончилось.

- Прости, но с точной датой нашей свадьбы придется еще немного подождать, - виновато пожимает плечами он, отрицательно качнув головой. – Суд назначил еще одно слушание. Но не волнуйся, правда на моей стороне, и мы вместе ее отстоим, - твердо чеканит. - Данила носом землю роет, чтобы добыть дополнительные факты и доказательства.

До боли знакомое имя бьет дефибрилятором в грудь. Горечь собирается в горле, злость заставляет сжать дрожащие ладони в кулаки, и я опускаю голову, потупив взгляд, чтобы

сестра не заметила моей реакции.

Значит, не обозналась и не послышалось. Чертов Данила Богатырев, судя по всему и есть тот самый лучший друг, бывший сослуживец Миши, о котором упоминала Настя. Он преследует меня, как проклятие.

Хочу стереть прошлое из памяти, но не получается. Лучше бы мы никогда не встречались.

- Что случилось, Никуш? На тебе лица нет, – почувствовав мое настроение, с беспокойством спрашивает сестра.

- Нет, все в порядке, - лгу, натянуто улыбнувшись. - Тяжело от сладкого. И устала немного. Наверное, нам пора. Да, Максик?

- Как скажешь, мам, - послушно кивает и берет меня за руку.

- Подвезти, Ника? – вскидывается Демин, выпрямившись по стойке «Смирно».

Солдафон до мозга костей. Он попрощался со службой, но привычки остались.

Улыбнувшись, я жестом останавливаю зятя.

- На чем? Ты микроавтобус купил? Мы такой толпой в машину не поместимся, – смеюсь, указывая на малышню. - Ты своих забирай, многодетный отец, а мы на такси доберемся.

- Я вызову, - достает телефон.

- Я сама в состоянии, - спорю. – Пока, сестренка.

Обнимаю Настю и племянников на прощание, расцеловываю всех, после чего поворачиваюсь к Демину, приняв стро-

гое выражение лица.

- До встречи, командир, - пожимаю его огромную лапу. – Настену не обижай, а то я тебя найду и обезврежу, - угрожаю несерьезно.

- Тц, вредная у тебя сестра, Настенька, - ворчит он, провожая нас с Максом.

- Миша-а, - укоризненно шипит на него она, посылая нам воздушные поцелуи.

Расслабленно смеюсь и по-доброму завидую. Настя отговаривала у судьбы свою семью, вернула мужа и исцелила его любовью. Сейчас они счастливы вместе.

И мы с Максом будем. Но только вдвоем.

- О чем задумался, сынок? – беседую с сыном дома перед сном, когда мы вместе досматриваем семейный фильм, полулежа на диване. - Скажи. Ты же знаешь, если озвучить, то станет легче и мы сможем разобраться в проблеме.

- У Незабудок хороший папа, правда, мам? – запрокидывает он голову, ищет мой взгляд.

- Да, он их очень любит.

- Но они его так долго ждали...

- Дядя Миша – бывший военный, - рассказываю, бережно обнимая его. – Семь лет назад он пропал без вести, но чудом выжил и спустя время вернулся в семью.

- М-м, ясно, - тянет сын, погружаясь в свои мысли. - Жалко, что наш не военный. Папа не пропал, а просто нас разлюбил.

Нет, Лука никогда нас не любил. С любимыми так не поступают. Но я закусываю губу, чтобы не выпалить это вслух. Обнимаю сына, крепче прижимаю его к себе, поглаживаю по голове, ласково перебираю темные, будто с пыльным налетом, непривычно жесткие для такого возраста волосы.

- Повезло Незабудкам, - шумно вздыхает Макс. – А вот у Матвея есть отец, но он все равно несчастливый, раз задирал всех в классе. Чего ему не хватает, если у него полная семья?

- И так бывает...

Перед глазами – Богатырев с сыном на руках. В груди больно.

Я запрещаю себе думать о нем, но заблокированные воспоминания прорываются через выстроенный мной барьер. Накатывают волнами. И я захлебываюсь в прошлом.

Я слишком любила его, чтобы забыть.

** Книга о Насте и Мише - "НЕЗАБУДКИ ДЛЯ БЫВШЕГО. Настоящая семья" <https://litnet.com/shrt/w-Nh> Книга завершена, полный текст.*

- Дома нас ждет малыш, так что мы не задержим вас надолго. Нас интересует классическая свадьба, - щебечет счастливая невеста, а я не свожу глаз с ее хмурого мужчины.

- У вас есть ребенок? – срывается с губ, хотя меня не должна интересовать личная жизнь клиентов.

Но что если в роли чужого жениха - мужчина, которого я до сих пор люблю? Семь лет назад он бросил меня беременной, сказал, что уходит в море, и не вернулся. На самом деле, у него все это время была другая женщина.

- Да, сын, - невозмутимо произносит Михаил.

Сердце сжимается, чтобы разлететься на миллион осколков. Он всегда мечтал о сыне, а я родила ему дочек – двух близняшек, которые прямо сейчас находятся за этой дверью, в моем кабинете. Я слышу их приглушенный смех, и Миша тоже поворачивается на звук.

- Из-вините, - поднимаюсь с места, едва держась на ногах. – Я не могу... взяться за ваш заказ. Найдите себе другого свадебного организатора.

Я ждала его семь лет, а он вернулся, чтобы жениться на другой.

И даже не вспомнил меня. ЧИТАТЬ ДАЛЕЕ <https://litnet.com/shrt/w-Nh>

Глава 5

Десять лет назад

Николь

В тесном кабинете психолога душно, пахнет мужским потом, сырыми шинелями и горьким кофе. Шелестят бумаги, тикает таймер, раздаётся монотонный стук подошвы армейского ботинка об пол. За окном серо и хмуро, шумит северный ветер, идет мокрый снег.

Во главе стола в немного потертом кожаном кресле важно восседает Инна Алексеевна, под началом которой я прохожу практику. Напротив нее - молодой, покрасневшийся с мороза офицер. Ножки стула поскрипывают под ним каждый раз, когда он нервно ерзает на месте. На вопросы военного психолога отвечает не сразу, будто обдумывает каждое слово, время от времени бросает красноречивые взгляды на меня.

Я сижу в стороне, у стены, молча наблюдаю за беседой и делаю пометки в блокноте. Сегодня у меня первый день практики в психолого-медицинском центре, так что ничего серьезного мне не доверят. Можно расслабиться, но я здесь не для отдыха. Я впитываю каждое слово Инны Алексеевны, слежу за ее поведением, мимикой и речью во время работы.

В какой-то момент мне кажется, что они с этим офицером давно и близко знакомы, а я в кабинете третья лишняя.

- Николь, я отлучусь на полчаса... - невозмутимо сообщает мне наставница, провожая горящим взглядом мужчину, который на несколько лет младше нее, - ...по делам, - тихо добавляет, ослабляя ворот и расстегивая верхние пуговицы на кремовой рубашке. Беспардонно поправляет грудь четвертого размера.

- Значит, прием закончен? – вскидываюсь с места, захлопывая блокнот.

- Ничего это не значит, - отрезает грубо и повелительным жестом указывает на кресло. – Садись вместо меня. Остальных морячков сама примешь.

От пренебрежительного, приторного «морячки» я невольно передергиваю плечами.

- Что если я не справлюсь? – шумно сглатываю, и в горле застревает ком.

Руки дрожат, ладони потеют, ногти царапают обложку блокнота. Это мое первое серьезное задание, а я даже подготовиться не успела.

- С кем? Ты что, с мальчиками не умеешь обращаться? Учись, девочка, тем более таких, как здесь, ты больше нигде не встретишь. Расслабься и получай удовольствие, – женщина издает неприличный смешок. - Ребята не первый раз в море выходят. Твоя цель – не срезать их, а помочь спокойно пройти стандартную процедуру. В любом случае, заключение я визирую, так что все проверю.

- Но у меня нет опыта...

- Солдат познается в бою, а студент на практике, - резко перебивает меня наставница. - Кто там по времени следующий?

Я окидываю взглядом стол: таблицы Шульте, бланки психологических опросников, какие-то записи. Привычные для психолога вещи отзываются мелкой дрожью по телу и холодком вдоль позвоночника. Я так нервничаю, что не сразу обращаю внимание на аккуратную стопку тонких папок. Беру верхнюю. Открываю личное дело одного из военнослужащих, пробегаю глазами прошлое заключение, отметки о рейсах, строгие аббревиатуры и печати.

Неосознанно задерживаюсь на фотографии – с маленького черно-белого квадрата на меня смотрит строгий, хмурый мужчина. Черты лица жесткие, взгляд пронзительный, будто в самую душу целится. Заставляю себя переключиться на графу с личными данными. Возраст – тридцать один год, семейное положение – не женат, детей нет.

Психолог нетерпеливо покашливает, подгоняя меня. Очнувшись от необъяснимого секундного ступора, я читаю вслух полное имя:

- Данила Юрьевич Богатырев, - перекаत्याю на языке. Звучит сурово. Веет защитой и силой.

- Хм, помню такого. Красавчик, но себе на уме, - предупреждает меня Инна Алексеевна. - С ним особо не кокетничай, бесполезно. Действуй строго по регламенту. Отношения у него исключительно с флотом, - недовольно закатыва-

ет глаза, видимо, успев обжечься и получить отказ.

- Я и не собиралась заигрывать, - бубню смущенно, невольно покосившись на фото в личном деле. Не «красавчик», как отрекомендовала его явно озабоченная женщина, но что-то в нем есть. Насупив брови, я захлопываю папку. - Инна Алексеевна, а перед этим был... ваш знакомый? - киваю на дверь, за которой скрылся предыдущий офицер. - Вы к нему спешите? А разве это не противоречит...

- Держи язык за зубами, - предупреждающе шипит на меня. - Если кто-то спросит, где я, скажешь, что мне стало плохо и я отошла в туалет. Будешь сговорчивой – получишь хорошие оценки по итогу практики и мои лучшие рекомендации, которые откроют перед тобой многие двери. Уяснила?

- Так точно, - машинально бросаю. И убеждаю себя, что это не мое дело. Практика закончится, и наши с ней пути разойдутся. А дальше... будет видно.

- Вот и умница, - снисходительно хвалит она меня, как собачонку, и, тяжело покачивая бедрами, выходит из кабинета.

Поджилки трясутся, и я обессиленно опускаюсь в громоздкое кресло, утопая в нем. Наверняка выгляжу несерьезно со своей хрупкой комплекцией, но призываю остатки уверенности в себе и все имеющиеся знания. У меня есть пара минут, чтобы перевести дух и собраться с мыслями.

- Разрешите, - после короткого стука в кабинет врывается бойкий, необузданный вихрь, сметая крупички моей выдержки. - Будьте добры, Инна Алексеевна, примите по-быстрому,

меня срочно в штаб вызвали, - чеканит в приказном тоне.

Мужчина осекается, впиваясь в меня цепким прищуренным взглядом. Бесцеремонно рассматривает, но я не тушуюсь – отвечаю ему тем же. Смело изучаю его, подмечая каждую деталь. На нем черный китель, строго застегнутый на все пуговицы, идеально отутюженные брюки, кремовая рубашка с галстуком. На рукавах золотистые галуны, вдоль продольной оси погона поблескивают четыре маленькие звезды. Капитан-лейтенант, значит, а наглости, как у адмирала.

- Практикантка? – уточняет он строго, однако в хищных серых глазах пляшут дьявольские искры, как будто он готов забрать у меня душу. - Как зовут?

- Николь Николаевна, - представляюсь деловито, стараясь игнорировать его обжигающее внимание.

Длинные волосы прикрывают грудь, и я откидываю их за спину. Выпрямившись, важно поправляю бейджик. Мельком ловлю заинтересованный взгляд на моем скромном декольте, но, стоит мне вздернуть подбородок, как он тут же поднимается к лицу, исследуя каждую черточку, будто фотографирует.

- Данила, - представляется с мягкой улыбкой, будто на свидание пришел, а не к психологу. Протягивает мне ладонь, а я импульсивно вжимаюсь в высокую спинку кресла. - Да не трясись так, дикая, офицер девчонку не обидит, - бархатно смеется он, занимая скрипучий стул. Сидит прямо, как будто кол в мощную спину вонзили, с армейской выправкой,

расправив широкие плечи, держит фуражку на колене. Но хулиганский взгляд кружит по мне, чуть ли не раздевая. - Ты правда хочешь служить у нас?

- Не знаю, - отвечаю честно, как будто прохожу проверку на полиграфе. - Еще не определилась.

- Не надо тебе сюда, - неожиданно бросает Богатырев, приподняв один уголок губ. И с нахальной кривой ухмылкой выносит приговор, мгновенно разозлив меня: - Маленькая еще. Не справишься.

Мои щеки предательски вспыхивают, от злости учащается дыхание, карандаш ломается в руке. Он все это замечает. Выбив меня из равновесия, сам выглядит спокойным и даже удовлетворенным. Сидит неподвижно, рассматривает меня, как диковинную зверушку. И только зрачки расширены.

- Не вам решать мою судьбу, - выпаливаю холодно и слишком стервозно. - Наоборот, сейчас ваше будущее зависит от моего заключения. Так что соберитесь, и давайте приступим к тестированию.

Уткнувшись в документы, я пытаюсь спрятать дикое смущение под маской безразличия. Как назло, с фотографии в его личном деле на меня устремлены те же самые наглые серые глаза. Не позволяют сосредоточиться на работе, а насмешливый баритон окончательно выводит из себя.

- Колючая, но все равно маленькая.

- Начнем с опросника, - бесстрастно бросаю, игнорируя его слова. - Отвечайте быстро, первое, что приходит в голо-

ву. Я засеку время. Напротив каждого вопроса вам нужно поставить «да», «нет» или «затрудняюсь ответить».

Не поднимая глаз, я протягиваю ему листки, и он берет их так, что мы соприкасаемся пальцами. Короткий импульс тока бьет по нервным окончаниям. Я отдергиваю руку.

- Время пошло, - буркнув, я запускаю таймер.

Бежит секундная стрелка, в воцарившейся тишине слышно, как перо скрипит по бумаге, как размеренно дышит Богатырев, не выдавая ни капли волнения, и как аритмично бьется мое сердце. Надеюсь передохнуть, пока он занят тестами, но снова чувствую на себе его взгляд. На автомате заполняя бланк, как робот, он постоянно посматривает на меня исподлобья. Что-то пишет внизу последнего листа, возвращает всю стопку мне и, пока я медлю, сам отключает таймер.

- Каков вердикт? – проводит рукой по затылку, немного нетерпеливо. Волосы у него необычного цвета, будто пеплом присыпаны, на висках проступает ранняя седина.

- Вы как будто заранее знали, что отвечать, - шокировано выдыхаю, бегло изучив заполненный размашистым почерком опросник. - А это что? – хмуро бубню, наткнувшись на цифры в самом конце.

- Мой номер, Колочка. Свой ты не дашь, по тебе видно, так что приходится проявлять инициативу, - легко произносит он, сохраняя армейскую выправку и ровную осанку, в то время как я судорожно сминаю уголок листка влажными пальцами. Если кому и нужна сейчас психологическая по-

мощь, то явно не ему.

- Зачем?

- На днях я ухожу в море, - важно сообщает. – На свидания и конфетно-букетный период у меня сейчас времени нет, но терять тебя не хочется. Поэтому будем общаться по телефону и знакомиться ближе. Лучше присылай сообщения, на них я тебе по возможности отвечу. Сама понимаешь, служба, звонок могу не услышать или сигнал не пройдет.

Его наглость как удар под дых. Я не знаю, как реагировать. И все-таки взрываюсь.

- Богатырев, вы, наверное, меня с кем-то путаете, - в сердцах бью ладонью по столу. Но на каменном лице Данилы ни один мускул не дрогнет. – Если кто-то из местных женщин позволяет себе вольности, то это совсем не значит, что так можно со всеми. Я не...

- Ты имеешь в виду Инну, которую весь офицерский состав переимел? – грубо перебивает меня.

- Весь? – выгибаю бровь.

- За редким исключением, - усмехается, уловив подвох. - Она не в моем вкусе. А вот ты – да.

В легких сгорает кислород, но я нахожу в себе скрытые резервы, чтобы дерзко отчеканить:

- Не всегда наши желания совпадают с возможностями. Я вам не по зубам.

- Напрасно ты так, - тихо рокошет. От его хриплого голоса у меня мурашки по коже. - Я ведь с самыми серьезными

намерениями.

- Замуж позовете?

- Почему бы и нет, - улыбается с лукавым прищуром. - А пойдешь?

- Нет, - фыркаю, опустив голову.

- Почему?

- Вы не в моем вкусе, - возвращаю ему его же фразу.

Богатырев берет паузу. Наше молчание, как передышка перед решающим боем. Покосившись на командирские часы, он вздыхает с досадой и без тени ехидства уточняет:

- Дальше полиграф?

На мгновение я теряюсь, будто Богатырев меня во лжи уличить хочет, но потом понимаю, что он торопится - его же в штабе ждут. Мы и так много времени потратили на взаимные перепалки. Допустим, офицер всего лишь развлекается перед рейсом, а я зачем откликаюсь?

Дура!

Может, отчасти Богатырев и прав? Мой профессионализм оставляет желать лучшего. Так и практику провалить немудрено.

Соберись, Николь! Яйца в кулак – и работать!

- Да, сейчас все подготавливаю.

Я поднимаюсь с места, чтобы подключить аппарат. Руки дрожат, ноги ватные. Спотыкаюсь рядом со стулом Богатырева, чувствую на талии и бедре тепло мужских ладоней, бережно придерживающих меня, но это последнее, что меня

беспокоит в этот момент.

- Пересядьте, пожалуйста, - строго указываю ему на специальное кресло.

Полиграф я вижу третий раз в жизни, остальное - в теории. Однако вспоминаю все, чему меня учили на военной кафедре, принимаю непроницаемое выражение лица и наклоняюсь к мужчине, чтобы прикрепить датчики дыхания. Он послушно приподнимает руки и пристально следит, как я оборачиваю ленты вокруг его твердого, каменного торса.

- Чуть выше, - вкрадчиво подсказывает Богатырев. – И сильнее затяни, иначе результаты будут недостоверные, - перехватывает мои руки, прижимает к своей мускулистой груди. - Вот так.

- Может, и остальные датчики сами прикрепите?

Мы так близко друг к другу, что я чувствую его дыхание на своих губах. Мощные лапы крепко держат меня за запястья, не позволяя отстраниться.

- И отказать себе в удовольствии, когда ты меня касаешься? Нет уж. Докажи мне, практикантка, что я не прав, а ты на своем месте, - бросает с вызовом. И я его принимаю.

Как только он отпускает мои руки, я отшатываюсь от него как ошпаренная. Назло ему, отключаю эмоции и дальше делаю все четко, правильно и спокойно. Завершив подготовку, я сажусь за ноутбук, вывожу графики на экран и начинаю опрос по протоколу.

- Вас зовут Данила?

- Для тебя просто Даня, - намеренно провоцирует меня.
- Нужно отвечать «да» или «нет», - невозмутимо напоминаю.

- Да.

- У вас случались конфликтные ситуации с начальством?

- Конечно, да.

Я без кривых знаю, что он говорит правду. Слишком у него характер тяжелый, стычек не избежать. Неужели он и в обычной жизни такой? Наверное, поэтому холост до сих пор.

- У вас благоприятная атмосфера в семье?

- Какое отношение это имеет к моей службе? – напряженно рывкает, будто я затронула болезненную тему. Заводится с полуборотом.

- Стандартный набор вопросов, Данила, - недоуменно всматриваюсь в его лицо. На высоком лбу залегли морщины, губы поджаты. - Что-то не так? Повторить?

- Нет, я с первого раза понимаю, - раздраженно огрызается он, и полиграф считывает его эмоции. – Мой ответ: «Да». В семье все хорошо.

- Зачем вы солгали? – уточняю, покосившись на взбесившиеся графики.

- Ты неправильно интерпретируешь показатели, практикантка, - отмахивается он игриво. Заметно успокаивается, будто отдал своему организму приказ, и тот послушался незамедлительно.

- Были ли у вас эпизоды, когда вы чувствовали, что теря-

ете контроль?

- Сейчас, - произносит с хрипотцой.

Полиграф твердит, что это чистая правда. И мне становится не по себе.

Наши взгляды сталкиваются. Становится жарко и нечем дышать.

- Достаточно. Мне все понятно.

Ярываю этот разрушительный зрительный контакт, сохраняю полиграмму и снимаю все датчики, стараясь не допрагиваться до Богатырева. Но не получается. Он сам берет меня за руку, сплетает наши пальцы. Встает, чтобы мы оказались лицом к лицу.

Он выше меня, больше и массивнее, но мне не страшно находиться рядом с ним. Скорее, волнительно.

- Следующий! – выкрикиваю в сторону коридора, где должны ожидать своей очереди другие военнослужащие.

- Разрешите? – в кабинет заглядывает добродушный брюнет в форме. Видит меня, улыбается шире, чуть не роняет фуражку на пол. – Новенькая?

- Выйди, Лука, мы не закончили, - командует Данила, не оборачиваясь. И дверь тут же захлопывается.

- Что вы себе позволяете! – толкаю его в грудь.

Не двигается. Нависает надо мной, как скала над морем. Аккуратно подцепив пальцами мой подбородок, затыкает мне рот поцелуем. Жестким, властным, хозяйским.

Пришел, увидел, победил, но... В ответ я кусаю его со

всей дури. До металлического привкуса на языке.

Он нехотя отстраняется, смотрит на меня с уважением и восхищением. Неадекватный мужчина! Начинаю сомневаться, что его можно допускать к службе.

- Дождись меня, Колючка, - усмехается он, небрежно смахивая кровь с губы. - Я вернусь из похода и женюсь на тебе, а ты мне сына родишь.

Пока я возмущенно хватаю ртом воздух, он целомудренно целует меня в щеку и уходит. Оборачивается на пороге и, перед тем как закрыть за собой дверь, припечатывает меня безапелляционным приговором:

- К свадьбе готовься. Ты будешь самой красивой невестой. Моей.

Глава 6

Наши дни

Николь

Мы стоим у свадебной арки. Я вся в белом и с букетом невесты в руках. На нем деловой костюм цвета моря, который очень ему идет. И только за то, что он все такой же идеально-брутальный, несмотря на прошедшие годы, хочется удавить его этим синим галстуком.

В очередной раз обволакивающе посмотрев на меня, он ослабляет узел на мощной шее.

Ему будто не хватает кислорода. Я тоже задыхаюсь. А ведь мы на открытой террасе ресторана у воды. Над нашими головами звучит свадебный марш, под ногами шумит и волнуется Нева, прохладный ветер треплет мои волосы, и уложенные локоны извиваются, как змеи.

Наверное, я сейчас похожа на ведьму. И чувствую себя так же.

Нервы на пределе. Пальцы впиваются в стебли цветов, руки предательски дрожат.

Он не сводит с меня серых глаз, которые в ярком свете софитов переливаются серебристой ртутью. Я пытаюсь избавиться от их отравляющего гипноза – и не могу. Я словно все та же молодая невинная практикантка, которая влюбилась в наглого офицера с первого взгляда. И до последнего вздоха.

Навсегда...

Не переболела. Не забыла. Не починилась.

За свою слабость я ненавижу его еще сильнее.

Мы метаем друг в друга молнии. Вокруг нас искрит.

У меня короткое замыкание, умноженное на бесконечность. У него лишь праздный интерес и ленивый азарт.

Жертва и хищник. Точь-в-точь как в нашу первую встречу.

Он почти не изменился, только стало больше седины на пепельных волосах, а на высоком лбу залегли суровые борозды, которые становятся глубже, когда он многозначительно скашивает взгляд на голубую ковровую дорожку, ведущую к алтарю.

«Ника», - читаю по губам, которые когда-то целовали меня трепетно, нежно и неторопливо.

Я наивно думала, что он берег меня, видя мою неопытность, не спешил, потому что боялся испугать или обидеть, а он просто забавлялся со мной, как сытый кот с глупым мышонком.

«Ты дождалась меня, Колючка, а теперь я подожду, пока ты будешь готова ко мне. Беги домой, маленькая, пока я тебя не съел», - врывается в сознание вспышка из прошлого.

Тогда я не хотела уходить от него, но сейчас хочу сбежать без оглядки. С каждой секундой это желание все сильнее.

- Дорогие гости, встречайте жениха и невесту! – объявляет ведущая патетическим тоном.

Музыка становится громче. Я поворачиваюсь к дорожке, на которую знаками указывает мне Данила, и отключаюсь от боли. Улыбка растекается по моему лицу, когда я вижу своих очаровательных племянниц, которые неловко топают впереди родителей и рассыпают лепестки белых роз. За ними следом идут Настя и Миша, немного взволнованные, но безгранично счастливые. Моя сестра все-таки дождалась этого дня, и сегодня она самая красивая невеста.

- Поздравляю, Настюша, - ласково шепчу ей, когда они останавливаются у алтаря, и отдаю букет.

Растрогавшись, я украдкой смахиваю слезы с покрасневших щек, но полностью расслабиться на свадьбе любимой сестренки мне мешает... чертов свидетель. Боковым зрением замечая, как Данила пожимает руку Мише, а сам буравит меня взглядом. Все это время он смотрел только на меня. И сейчас продолжает изучать меня, препарировать, выворачивать наизнанку.

Не-на-ви-жу.

Но терплю ради сестры. Сегодня ее день – и он должен пройти безупречно.

С трудом выстаиваю церемонию, стараясь сосредоточиться на молодоженах и игнорировать прожигающий взгляд серебристых глаз, неотрывно направленных на меня. Когда торжественная часть заканчивается, а к Насте и Мише вереницей идут родственники и друзья, чтобы поздравить, я вдруг чувствую горячую хватку на талии. Меня тянет назад.

Мимо арки к парапету, где Данила берет меня за руку и разворачивает лицом к себе. В нос бьет его горьковатый, смолистый запах с легкой примесью алкогольных паров.

- Вот и встретились. Еще раз, - говорит негромко, лаская меня тягучим взглядом. Щекочет большим пальцем запястье, заставляя пульс зашкаливать. - Не скажу, что для меня это сюрприз. Я ожидал, что ты здесь будешь. Ты, наверное, тоже была в курсе... Послушай, Ника...

- Послушай, Богатырев, - перебиваю его резко, - если ты не хочешь испортить свадьбу лучшего друга, будь добр, не трогай меня, не говори со мной и сделай вид, что мы не знакомы, - цежу сквозь зубы.

- Мы свидетели, Колючка, - рокошет тихо. - Нам так или иначе придется взаимодействовать.

- Не зови меня так, - шиплю, вырывая руку из его теплой хватки. И тут же цепляюсь за парাপет, будто потеряв точку опоры. - Не смей.

- Извини, не буду, - хмурится он, спрятав ладони в карманы брюк. - Почему ты не с Лукой?

- А где твой Матвей? – парирую я, напоминая ему о семье. - Надеюсь, у него все в порядке?

- Он дома с матерью, - невозмутимо сообщает.

Вспоминаю о проблемах в семье, о которых Данила не стал распространяться. Они в разводе или только на грани? С ней он тоже поигрался и бросил? А ведь она исполнила его волю – родила сына. Что не так? Чего не хватает этим

гребаным мужикам?

Впрочем, меня это не касается. Он давно для меня никто. Ошибка прошлого. Как и его товарищ.

- Лука тоже... дома, - закусываю губу и сжимаю руку без кольца. - Еще вопросы?

Не дожидаясь ответа, возвращаюсь в зал. Ищу взглядом маму среди толпы гостей. Этим вечером она присматривает за внуками, чтобы мы с Настей спокойно отметили свадьбу. Вижу Макса, взмахиваю рукой, а он важно кивает мне, будто говорит: "Мама, все в порядке. Отдыхай, я уже взрослый и сам смогу о себе позаботиться" - и улыбается, до боли знакомо сощурив серые глаза. В сердце необъяснимо покалывает. Убедившись, что все дети вместе с бабушкой заняли столик, я переключаюсь на сестру. Моя задача – поддерживать ее, а не препираться с мужчиной, который не имеет значения.

Но Данила нагоняет меня, как зверь добычу, и снова оказывается рядом, уложив лапу мне на поясницу. Сбрасываю ее. Стискиваю кулаки, едва сдерживаясь, чтобы не вlepить ему пощечину при всех.

Вдох. Выдох. Жгучий, раздирающий ком застревает в горле.

- Если ты не хочешь испортить свадьбу сестры, - неожиданно произносит он, повторив мои слова, - то прикрути свою вспыльчивость до минимума. Я очень уважаю Михаила, а ты, насколько я помню, души не чаешь в своей Насте. Ради них я предлагаю заключить перемирие на этот вечер и

вместе исполнять задачи свидетелей.

Данила прав. Он всегда и во всем прав. И это тоже раздражает.

Взрослый и умудренный опытом мужчина, решительный и холодный, а я так и осталась импульсивной и эмоциональной девчонкой. Он чувствует, что внутри я прежняя, и снисходительно усмехается.

Колючка. Потому что с первого знакомства я выпускала шипы, а он аккуратно срезал их, как виртуозный садовник. Напоследок и меня саму... под корень.

- Договорились, - выдавливаю из себя после паузы.

Затаив дыхание, я вкладываю ладонь в его широкую ладню. Стараюсь не вспоминать о том, как эти руки обнимали меня, ласкали до мурашек, поднимали легко, как пушинку. Простое символическое рукопожатие, а мне кажется, что я заключаю сделку с дьяволом. И с этого момента начинается мой путь в ад.

Нестерпимый жар окутывает мою кисть, поднимается к плечу, отзывается горячими вспышками в груди, пробирается в сердце, оставляя на его месте тлеющие угли. Меня мелко трясет, но не от холода и сквозняков, а наоборот от давно забытого и, как мне казалось, потухшего огня.

Данила крепче сжимает мою руку, будто не хочет отпускать, держит до последнего, пока я борюсь... Не с ним, а с собой и проклятой ностальгией. Наконец, мои влажные пальцы выскальзывают из его хватки, и я шумно выдыхаю, не скры-

вая облегчения. Почти неуловимо нахмурившись, Богатырев возвращает себе невозмутимый вид и вальяжно отходит от меня, в то время как я озираюсь в поисках Насти. На правах старшей сестры в самые трудные времена я была его опорой, поддержкой, жилеткой для слез, однако сегодня мы меняемся местами. Она нашла свое счастье, прибилась к родному берегу, а я чувствую себя пробитой лодкой, выброшенной в открытое море в шторм.

- Я смотрю, ты уже познакомилась с Данилой? Как он тебе? – простодушно улыбнувшись, берет меня под руку Настя и ведет к столу молодоженов, украшенному нежно-голубыми незабудками.

- М-гу...

Я не могу отделаться от ощущения, что он все еще следит за мной. Но обернуться и проверить не рискую. Каждый наш контакт для меня как испытание на прочность, а я и так рассыпаюсь на осколки, которые скрупулезно склеивала воедино все эти годы, пытаюсь воссоздать жалкое подобие прежней Ники.

– Не понравился? Миша отзывался о нем как о хорошем, благородном человеке. Данила помог нам и с судами, и с охраной дома, причем все бескорыстно. Из Карелии ради друга сорвался, мать больную оставил, сейчас разрывается на два дома.

- Хм, да, Богатырев всегда высоко ценил дружбу, - не выдержав, выпаливаю обиженно. – Он готов был отдать другу

все, даже...

Не договорив, поджимаю дрожащие губы. Наливаю себе сок, выпиваю жадно, стараясь не смотреть на Данилу, который вместе с довольным, расслабленным Мишей тоже направляется к столу.

- Вы были знакомы? – серьезно спрашивает Настя, четко считывая мои эмоции. Мы с ней чувствуем друг друга, как близняшки. – Когда? И почему я ничего об этом не знаю?

Потому что я, влюбленная дура, не сказав никому ни слова, помчалась в Североморск встречать из рейса одного офицера, а в Питер вернулась совершенно с другим. С будущим мужем, с которым и познакомила сестру и маму. Я твердо решила не посвящать родных в детали предательства, растоптанной чести и разбитого сердца. Обожглась – и поспешила замести следы. Сделала вид, что Богатырева никогда не существовало в моей жизни, похоронила его, но он воскрес так неожиданно и не вовремя.

- Нет, не знакомы - лгу, уткнувшись взглядом в пустой стакан. - Вы меня сосватать решили под шумок? Не нуждаюсь. Настюша, ты же знаешь, что я в это болото больше не ногой. Никаких больше мужиков, все они одинаковые... - проглатываю ругательство, все-таки метнув злой взгляд в Данилу. И тут же переключаюсь на сияющего жениха, который даже на расстоянии с искренней любовью любит свою невесту. - А твой Миша – исключение, что только подтверждает правило.

- Никуш, мне кажется, ты чем-то огорчена. Если дело не в свидетеле, то расскажи, что случилось? – не успокаивается она. - Я хотела бы, чтобы тебе было комфортно на нашем празднике.

- Все прекрасно, сестренка, - натягиваю улыбку и целую Настю в щеку. – Не выдумывай! Просто я тоже волнуюсь. Это же свадьба твоей мечты, наслаждайся и не переживай по пустякам.

Я сажусь со стороны невесты, Данила занимает стул рядом с женихом. Абстрагироваться не получается – я постоянно ощущаю его присутствие. Молодая официантка разливает игристое по бокалам, я отказываюсь, но она не слышит меня из-за музыки, зато неожиданно реагирует Богатырев. Подорвавшись с места, он нагло меняет наши стаканы. Демонстративно ставит передо мной сок, как будто я сама не в состоянии о себе позаботиться.

- Тебе же нельзя, - читаю по его губам.

- Пошел ты, - шиплю сдавленно, надеясь, что никто не услышит.

Но он как будто мысли мои читает. Снисходительно покачивая головой, возвращается за стол, наполняет свою стопку до края и выпивает залпом без поздравлений и тоста.

Мне кусок в горло не лезет, Данила тоже ничего не ест. Мы делаем вид, что все в порядке, но, как только молодожены отвлекаются, испепеляем друг друга взглядами. Благо, свадьба выдержана в классическом стиле, без пошлых кон-

курсов и идиотских шуток от тамады. Все проходит трепетно, пристойно и романтично, под стать чете Деминых.

Ведущая приглашает жениха и невесту на первый танец, по залу разливается медленный вальс, Настя и Миша выходят в центр зала – и свет приглушается. В волнующем полумраке я сбегая из-за стола, чтобы не контактировать с проклятым свидетелем. К счастью, ему хватает такта не преследовать меня. Он остается пить в одиночестве, а я пробирюсь сквозь толпу к матери и нашим с Настей деткам.

- А где Макс? – спрашиваю спустя время, пока она возится с самым младшим внуком, сидящим у нее на руках.

- Они с близняшками к гостям пошли, - взмахивает рукой, пытаюсь договориться с капризным Мишаней.

Бегло осмотрев зал, я вижу целующихся молодоженов в окружении танцующих пар, краем глаза замечаю, что свадебный стол пуст, но мысленно отмахиваюсь: меня не интересует, куда делся мой пьяный свидетель. Начинаю нервничать, когда не нахожу сына.

- Настюша, ты Макса не видела? – беспокойно бросаю, нарушив их идиллию. - Только что был рядом с Незабудками – и вдруг куда-то умчался. Шило в попе!

- На террасе с Данилой не он случайно? – кивает она куда-то вдаль, а я едва сдерживаюсь, чтобы не взорваться.

Недалеко от свадебной арки, среди невесомый голубых тканей, взметающихся на ветру, я вижу Богатырева, который на моих глазах приседает к Максусу. По-доброму щелкает

его по носу, протягивает кулак, и тот охотно отбивает его. Обычно мой сын настороженно относится к незнакомцам, но с этим, на удивление, общается легко и свободно, как с родным человеком.

Я не слышу, о чем они говорят, но ускоряю шаг. Вместе с порывом ветра до меня доносится детский смех, к которому присоединяется хриплый мужской, ввергая меня в состояние шока.

- Привет, сынок, ты чей? – сквозь шум реки я различаю мощный, раскатистый баритон Богатырева. - Где твои родители?

- У меня только мама. Во-он там, - Макс указывает в мою сторону. Улыбается так широко, будто встретил давнего друга и хочет представить его мне. – Она свидетельница на свадьбе тети. Правда, красивая?

Я злюсь. Я ревную. Я хочу скорее забрать Макса и увести как можно дальше от Богатырева.

Я прибую его. За сына точно прибую!

Данила оборачивается, не успев стереть с лица добродушную улыбку, и врезается в меня острым взглядом, от которого кровь стынет в жилах.

Да, я все-таки родила сына, как ты и просил. Но не от тебя.

Глава 7

Данила

Я любил ее... Отчаянно, по-настоящему, до больной одержимости. Дышать без нее не мог. Я берег ее трепетно и сильно. Как оказалось, не для себя.

Она исполнила мою мечту – подарила сына. Но не мне. Родила ребенка другому мужчине, который сделал для нее то, чего я не смог, - он просто остался рядом.

Вот так легко я потерял свою жизнь.

Сейчас я смотрю в любопытные серые глаза чужого мальчишки, которого, наверное, должен ненавидеть и отторгать всей душой, однако не испытываю к нему негативных чувств. Наоборот, хочется узнать его получше, познакомиться ближе и защитить, если потребуется. Он напоминает мне Николь – сдержанной улыбкой, осторожностью, стальным стержнем внутри хрупкого, уязвимого тела.

- У меня только мама. Во-он там, - гордо сообщает пацан.
- Она свидетельница на свадьбе тети. Правда, красивая?

Я оборачиваюсь. От переизбытка белого слезятся глаза, но Нике он к лицу. В жемчужном коктейльном платье она как невеста с проклятой фотографии, что столько лет лежит в моем портмоне.

«Красивая», - повторяю одними губами.

Николь считает без труда, и я ощущаю ее вязкий,

необоснованный гнев, что ледяными щупальцами тянется ко мне. Когда-то мы понимали друг друга без слов, видимо, между нами до сих пор остались лохмотья фантомной связи. Слишком слабые, чтобы соединить нас снова в одно целое, но достаточно цепкие, чтобы нарушить наш покой. Моя выдержка трещит по швам, Ника тоже на взводе.

- Отец где? – спрашиваю мальчика, не отрывая глаз от раздраженной белоснежной фурии с потемневшим взглядом, которая цокает шпильками, неумолимо приближаясь к нам.

Неосознанно задерживаюсь на ее аппетитной фигуре, подчеркнутой тонким шелком, от высокой груди с соблазнительной ложбинкой спускаюсь к округлым, покачивающимся в такт каждому шагу бедрам. Беременность и роды сделали ее еще красивее – вкуснее и сочнее. Молодая, расцветающая девчонка с годами превратилась в шикарную женщину, которую по-прежнему хочется съесть. Правда, поперек горла встанет.

- Папа нас прогнал, - тихо признается мальчишка, и эта фраза обрушивается на меня как холодная волна. Бьет со всей силы, возвращая в реальность.

Николь поправляет короткий пиджачок, застегивает его на все пуговицы, будто прячется от меня. Нехотя отворачиваюсь от нее, недоуменно всматриваюсь в погрузневшее лицо ее сына. Надеюсь, мне послышалось?

- Отец выгнал вас из дома? – переспрашиваю. Пацан кивает, и мои руки невольно сжимаются на его щуплых плечах.

- Почему?

- Не знаю. Может, он маму разлюбил?

- Значит, не любил никогда, - зло выплевываю.

Температура зашкаливает, ярость ослепляет и отупляет.

Тварь! Какой же ты подонок, Лука! Должен был заботиться о ней, но понимание заботы оказалось больным и искаженным. Просрал самое ценное, что я тебе доверил. Использовал и выбросил, как ненужную вещь. С ребенком в неизвестность.

Убью на хрен!

- Ну, что вы, дядя! – важно и поучительно тянет малой, подняв указательный палец, как древний мудрец. - У них же появился я, а дети рождаются только от большой любви.

С трудом подавляю обреченный смешок. Если бы это было так, человечество давно бы вымерло. Но вслух я ничего не произношу.

Пусть пацан верит в сказки – ему надо за что-то держаться в переломный момент жизни, когда рушится привычный уклад и все летит под откос. Расставание родителей для неокрепшей детской психики это катастрофа. Конец света.

Развод – отвратительный, грязный процесс, когда слетают маски и близкие люди в одночасье становятся злейшими врагами.

По личному опыту знаю.

- Как скажешь, боец. Тебе виднее, - аккуратно приободряю его и беру за руку. Пальчики ледяные, и я машинально

растираю их, чтобы согреть. – Как тебя зовут?

- Максим, - смущенно улыбается, шмыгая носиком.

Снова меня накрывает дежавю. Четкая параллель с беззащитной Николь из прошлого. И острое желание заботиться, беречь и... любить?

Чушь собачья!

Но я не могу спокойно наблюдать, как Макс замерзает на открытом воздухе, мелко дрожит от сквозняков и сырости. Не задумываясь, накидываю на него свой пиджак.

- А я Данила. Будем знакомы, - чеканю хмуро, недовольный собственным порывом.

Слишком резко поднимаюсь и отшатываюсь от пацана. Мне категорически не нравятся пробуждающиеся в груди отцовские чувства, которые я не должен испытывать к ребенку бывшего друга. Спешу от них отмахнуться, погасить в зародыше.

- Необычное имя, - простодушно бросает он, запрокинув голову, чтобы лучше меня видеть. Смотрит восхищенно и преданно, улыбается во весь рот и безмятежно кутается в мой пиджак. Как цыпленок, утопает в нем. – Впервые слышу. Но запомню! Приятно было пообщаться с вами, Данила, но меня мама ждет.

Значит, она даже не вспоминала обо мне. А я каждую бабу ее именем называл. Никак забыть не мог. В чужих милых лицах искал ее черты. Разумеется, не находил.

Она такая одна. Эксклюзивная. Никто ее не смог заме-

нить.

- Максим, подойди ко мне, пожалуйста, - доносится строго и сдержанно.

Схлестываемся с Николь взглядами. Я продолжаю бесцеремонно любоваться ей, а она препарирует меня и мысленно проклинает. Берет за руку сына, что-то нашептывает ему и отправляет в зал. Как можно дальше от меня, будто я особо опасный преступник.

- Подожди, родной, - опомнившись, окликает Макса, и снимает с него пиджак. – Беги к бабушке и возьми у нее свой жакет. Если все равно будет холодно, попросим плед у администратора. Договорились?

- Да, мамуль, - послушно кивает он. – Спасибо, дядя Данила! – выкрикивает, взмахнув мне рукой.

Этот невинный жест вызывает бурю негодования у Ники. Стоит мне мягко улыбнуться пацану в ответ, как она взрывается. Психанув, грубо бросает мне мой пиджак, так что я едва успеваю его поймать, и угрожающе чеканит:

- Не прикасайся к моему сыну!

- На нем не написано, что он твой, - выдаю со злым сарказмом. – Пометь его как-нибудь, если хочешь оградить от меня. Табличку повесь: «Не влезай, мать убьет». Или фамилию на лбу высеки, - на эмоциях подхожу к ней вплотную, хватаю за локоть и с нотками претензии, на которую не имею права, сдавленно цежу: - Максим Томич. Правильно я понимаю?

- Именно так. Он - сын Луки.

- Не жалеешь об этом?

- Нет, - выплевывает мне в лицо.

Тц, черт! Это больнее, чем я думал.

- А я жалею...

- Твои проблемы, Богатырев, - летит безжалостно, как пощечина.

Высвободившись из моей хватки, она разворачивается и, взметнув ладонь к лицу, стремительно теряется в толпе.

Я возвращаюсь за стол. Морально подавлен, разбит и размазан по паркету нашим минутным разговором. Пользуясь тем, что молодожены заняты друг другом, а гости веселятся, я слабовольно выжираю все, что любезно подносит мне щедрая официантка. Не спасает. Становится только хуже, потому что под градусом отказывают стоп-краны и сложно себя контролировать.

Чувства не остыли. Ни хре-на! И сейчас рвутся наружу,

Выбрав удачный момент, когда Ника не сможет мне отказать, я приглашаю ее на танец. Скорее всего, последний. Но мне уже плевать.

- Богатырев, соблюдай дистанцию, - шипит Николь, упираясь ладонями в мои плечи.

Ее мило нахмуренное лицо так близко, что я не вижу ничего, кроме обиженно поджатых пухлых губ, отливающих розовым блеском. Стараюсь не думать о них, чтобы не сорваться и не поцеловать.

- Мы не на трассе, - выдыхаю, прижимаясь щекой к ее вис-

ку.

И слышу дурманивший горько-сладкий запах жасмина и полыни, который сводит с ума. Ника лихорадочно дышит мне в шею, а я пропитываюсь ей, впускаю под кожу, хотя она и так уже там. Проникла в организм, как вирус, с нашей первой встречи. Не вытравить.

Пьянею от ее аромата. Забываюсь.

Воспоминания накатывают волнами, и вот уже в моих руках юная неискушенная практикантка, которая приехала на пристань встречать меня из морского похода. Немного испуганная. Ежистая. Но моя...

Я медленно кружу Нику в танце, встречая легкое сопротивление при каждом движении. Она пытается вести, забывая, что со мной это не получится.

- Расслабься, - шепчу ей на ухо.

Назло мне, она напрягается. Затаив дыхание, отворачивается от меня и отклоняется, насколько может. Но я не отпускаю. Наоборот, обнимаю ее сильнее, веду руками по ровной спинке, забираюсь под короткий пиджак и сквозь шелковую ткань платья четко ощущаю жар бархатной кожи.

Мы пересекаемся с танцующими молодоженами. Настя смеется, Миша не сводит с нее влюбленных глаз. Командир поплыл, и я за него искренне рад. Лишь на секунду они оба бросают на нас задумчивые взгляды – и тут же возвращаются друг к другу.

- Они выглядят счастливыми, - тихо произношу, заметив,

что Ника тоже наблюдает за ними. - Михаилу повезло с твоей сестрой.

Томно вздохнув и замечтавшись, она мягко улыбается. Легко кивает, впервые за весь вечер хоть в чем-то со мной согласившись. А потом снова ощетиливается, вспомнив, в чьих объятиях находится.

- Ты позвал меня танцевать, чтобы обсудить молодежь-нов?

- Нет, я сделал это, чтобы никто другой не посмел.

- Беспокоишься о жене лучшего друга? – ехидно выгибает бровь.

- Бывшей, - уточняю озлобленно. - Что произошло, Николь? Почему ты вернулась в Россию? Макс обмолвился, что Лука вас выгнал. Это правда?

- Не совсем так, - усмехается с горечью и надрывом. - Я сама подала на развод, когда он привел домой беременную любовницу, торжественно представил ее родителям, а мне предложил пожить шведской семьей. Не оценила я его щедрого жеста.

- Подонок, - приглушенно ругаюсь, уткнувшись носом в острую скулу.

Руки невольно сжимаются на Никиной тонкой талии, пальцы сминают невесомый шелк.

Нервы на пределе. У нас обоих.

- Типичный полигамный мужик со своими заскоками, - колко выдает она, выпуская шипы. - Как все вы.

- Не помню, чтобы ты была такой... - проглатываю оскорбления, потому что ни одно из них не могу адресовать моей Колючке. – Феминисткой? – хмыкаю вопросительно.

- Реалисткой, - перебивает холодно. - Жизнь внесла свои коррективы в мой характер.

Ее хрупкое тело дрожит в моих руках и в то же время пышет жаром. Лихорадка одна на двоих.

Я безнадежно болен ей, и не хочу лечиться. Точнее, пытался не раз – все напрасно. Мне попадались лишь жалкие копии, и только Николь настоящая.

Незаметно увлекаю ее на край террасы, подальше от толпы. Прячу под завесой сумрака, в котором мы остаемся наедине. Ветер подхватывает легкие светлые полотна, которыми обрамлен парапет, безжалостно срывает с креплений - и укутывает нас в них, как в саван.

- Ни-ика-а, - протягиваю хрипло. - Если потребуется какая-нибудь помощь, обращайся. Уверен, сейчас ты мне откажешь из принципа, но просто знай – я рядом. Мои контакты есть у Насти. Звони в любое время - отвечу. Проси, что хочешь – все выполню.

- Не нуждаюсь, Данила, - строго осекает меня, обрубая на корню мои искренние порывы. - У меня все хорошо, правда.

- Рад, если это действительно так, - криво ухмыляюсь. Градус бьет по мозгам, дерзкая полынь уничтожает остатки здравого смысла. - О себе я не могу сказать того же.

- Ты сам сделал свой выбор, - жестоко выпаливает. - Если

бы мы не встретились случайно, ты бы и не вспомнил обо мне, признай!

Соприкоснувшись лбами, я отрицательно качаю головой.

- Ты не права, - чуть не рычу.

- Нет? Тогда где ты был все эти годы? Даже не поинтересовался судьбой глупой девчонки, которая примчалась к тебе в Североморск, – препарирует словами, как острым скальпелем. Беспощадно режет по живому. Вместо анестезии алкоголь, который ни черта не справляется с моей агонией.

- Я знал, что ты замужем, - цежу, вспоминая их с Лукой свадебные фотографии. Каждый снимок стоит перед глазами, будто выжжен на сетчатке.

- Как видишь, я прекрасно без тебя справлялась. Десять лет жила без твоей помощи – и еще проживу. Так что не строй из себя благодетеля, это уже ни к чему, - сбивчиво тархтит она мне в губы, не в силах отстраниться, потому что я продолжаю вжимать ее в себя, пока не раздавлю в объятиях.

- Все в прошлом, Дань.

Случайно оброненное Никой ласковое «Даня» действует на меня как контрольный выстрел, который вышибает последние мозги. Гребаная машина времени кидает меня на десять лет назад.

«Я люблю тебя, Дань», - коварно летит из параллельной реальности.

Призрачная грань между прошлым и настоящим стирается. Предохранители летят к чертям.

Меня замыкает. На ней. Как раньше.

Я впечатываю Нику поясницей в парапет, не оставляя ей путей отступления, и бешено вгрызаюсь в возмущенно приоткрытый ротик грубым, пьяным поцелуем.

Глава 8

Первое, что чувствую на вкус, - это соль, которой с каждым движением наших губ становится все больше. Следом к ней присоединяются жалящие укусы, но мне все равно - я под наркозом.

Мы вместе будто идем на дно Мертвого моря. Задыхаемся от эмоций. В ушах шумит ветер, проклятые тряпки хлещут по нашим телам, как кнуты. Я целую Нику жадно и отчаянно, как в последний раз, она судорожно царапает мою шею острыми ноготками, оставляя метки. Это больно и сладко одновременно. Наверное, я окончательно свихнулся.

- Я скучал... Скучал, слышишь? - повторяю как заведенный, обхватив ее мокрые щеки ладонями и зафиксировав лицо, чтобы не отвернулась.

Не позволяю ей ни вздохнуть, ни отстраниться. В бреду нападаю на нее, как зверь, впечатываюсь в соленые губы, сжираю рваные всхлипы.

Она не отвечает. Даже кусаться прекращает. И не ответит. Больше никогда.

Но мне это надо, чтобы поставить точку.

Поцеловать чужую жену – и забыть.

Кого ты обманываешь, Богатырев? Чертов слабак! За десять лет так и не смог...

Над нами взрываются фейерверки. Ника запрокидывает

голову, смотрит в небо опустошенным взглядом. По алой щеке тонкой змеей сползает слеза. Я стираю ее большим пальцем – и чувствую себя так, будто из меня вытянули душу. В груди зияет дыра и гуляют сквозняки.

- Ни-ка-а, - зову ее, невесомо целуя в подбородок. – Моя...

Я ласково веду носом по пульсирующей жилке на бархатной шее, накрываю губами взбесившийся пульс. Дышу ей, как воздухом. Без нее наступает асфиксия.

Веселые голоса становятся громче и ближе, гости стекаются к парапету, чтобы не пропустить яркий финал свадьбы. Залпы салютов озаряют ночное небо. На террасе светло, как днем.

Я продолжаю обнимать Нику, потому что знаю: если отпущу, то она уже ко мне не вернется. Ни-ког-да...

Мы встречаемся взглядами. Ее глаза стеклянные, пустые и смотрят будто сквозь меня. Ника опускает ресницы, и с них срываются слезы. Тушь течет, помада съедена мной, но так она даже красивее.

Настоящая. Естественная. Живая...

Снова наклоняюсь к ее истерзанным губам, но в жалком сантиметре от них вынужден остановиться. Не по своей воле. Поймав мое лихорадочное, горячее дыхание, Ника выставляет ладонь между нашими лицами, прикрывает мне рот – и слегка отталкивает.

Этого достаточно, чтобы отрезвить меня.

- От тебя же разит, - шепчет она, зажмурившись, будто от невыносимой боли. - Наутро ты даже не вспомнишь этот поцелуй. Боже, знал бы ты, как я тебя... ненавижу сейчас, - она медленно открывает глаза, чтобы наблюдать за моими предсмертными конвульсиями. И методично добивает меня. - Ты мне противен, Дань.

Никогда еще мое имя не звучало так холодно, гадко и разочарованно в ее устах.

Ника апатично выбирается из моих объятий, не обронив больше ни слова. Я отрешенно отступаю, позволяя ей уйти. Молча смотрю ей вслед.

Не оглядывается. По пути яростно растирает щеки ладонями, будто злится на себя за проявленную слабость, но, как только подходит к молодоженам, натягивает на лицо неестественную улыбку. Пытается смеяться - выходит фальшиво. Она вся дрожит, когда обнимает сестру, замирает на некоторое время, словно черпает в ней силы, а после вежливо прощается с Мишей.

Так и не удостоив меня взглядом, будто я пустое место, Ника покидает ресторан вместе с сыном, который все-таки оборачивается и простодушно машет мне рукой.

Добрый мальчик. Жаль, что не мой.

- Все нормально, Данила?

Оставив ненадолго свою новобрачную с детьми, Демин подходит ко мне, участливо похлопывает по плечу, с прищуром косится туда, где скрылась Ника.

- Свадьба прошла отлично, - вымученно улыбаюсь. Теперь моя очередь делать вид, что ничего не произошло. Для убедительности хватаю бокал с подноса мимо проходящей официантки, салютую другу. – Поздравляю, - и выпиваю залпом, не чувствуя вкуса.

- У ТЕБЯ все нормально? – подчеркивает он, нахмурившись.

- Накидался на радостях. Так что прости, но мне пора домой.

- Я вижу, - бубнит мрачно, сканируя меня с ног до головы. – Такси вызвать? Тебе в таком состоянии за руль нельзя – мало ли, что...

- Мне не впервой, сам знаешь, - бросаю со злой иронией. – Если что, там все свои.

- Отставить, Богатырев, - рявкает он по-командирски, и гости с подозрением зыркают на нас. – Ты какого дьявола расклеился? Размазня! Из-за Николь? Вас что-то связывает?

- Ни-че-го, - чеканю с усмешкой, краем глаза улавливая светлый силуэт невесты, приближающийся к нам. – Не бери в голову, Миша. У тебя сегодня самый счастливый день в жизни, а впереди – брачная ночь. Вот о чем ты должен думать, а не о поддатом непутевом товарище. Совет да любовь вам, ребята!

Улыбнувшись, я по-дружески чмокаю Настю в щеку, крепко пожимаю ладонь Мише – и спешно удаляюсь под прицелом их настороженных взглядов.

На свежем воздухе меня штормит не по-детски, швыряет из стороны в сторону, но я упрямо сажусь за руль и вбиваю педаль газа в пол. Гоню по ночной трассе, как бухой Шумахер. С каждым километром сердце щемит все сильнее, не справляясь с выбросом адреналина.

Я вдруг понимаю, что в своем огромном пустом доме я буду волком выть на луну, пока не сойду с ума. Да и ехать далеко – по извилистым дорогам и оживленным улицам я где-нибудь обязательно влипну в аварию. На себя мне хронически плевать, но в данный момент от меня зависят судьбы дорогих мне людей, и я не имею морального права их подвести.

Резко затормозив на перекрестке, я совершаю полицейский разворот и под аккомпанемент автомобильных сигналов еду в противоположном направлении. Как побитый бродячий пес, ползу зализывать раны... в семью.

- Даня? Привет, ты так поздно, - с улыбкой встречает меня на пороге сонная Алиска. – Проходи, Дань, - смущенно кутается в халат, отступая от прохода.

Я морщусь невольно. После Ники меня от собственного имени передергивает.

«Ты мне противен, Дань», - звучит на повторе ее голос.

Устало отмахиваюсь. Но боль не утихает.

- Тц, не ждали? А мы приперлись, - споткнувшись, неуклюже влетаю в коридор. – Переночевать пустишь?

- Конечно, - суется она вокруг. Касается моих напряженных плеч руками, заботливо стягивает с меня куртку и

аккуратно вешает ее на крючок. - Спрашиваешь еще! Ужидать будешь?

- Не-а, я только со свадьбы.

Покачиваясь, я бреду по коридору, как в тумане. В полумраке сбиваю что-то с тумбы, пинаю ногой ботиночки Матвея, сам чуть не врезаюсь в косяк, но вовремя упираюсь кулаком в стену, чтобы сохранить равновесие.

- А-а-а, точно, - Алиса идет за мной по пятам, по-хозяйски убирая все, что я роняю. - Ты же говорил. Теперь ясно, где ты так... «накушался».

- Виноват, - обессиленно падаю на диван в гостиной. - Малой спит?

- Давно уже, - усмехается она, глядя на меня сверху вниз и уперев руки в бока. - Ты на часы смотрел?

- Не до них было, - горько ухмыляюсь, облокотившись о разведенные бедра и опустив голову. Взглядом цепляюсь за свою грязную обувь и характерные следы на ковре. - Вот черт! Извини, хозяйюшка, я тебе тут все засрал.

Выругавшись, наступаю на задник и пытаюсь сбросить туфли, но силы неравные. Меня кренит набок, как пробитое судно. Шумно выдохнув, Алиса опускается на колени у моих ног. Помогает разуться.

- Не представляю, как тебя утром лечить, - причитает она, преданно заглядывая мне в глаза.

- Хорошая ты баба, Алиска, - треплю ее по макушке. Получаю по рукам, глухо смеюсь и встаю. Ноги заплетаются. - Я

к себе. До утра не кантовать. При пожаре выносить первым.
- Спокойной ночи, - с тоской летит мне в спину. И раздаётся тяжёлый вздох.

Согласен, я сейчас не в лучшей форме. Не вызываю ничего, кроме жалости и... отвращения.

«Ты мне противен, Дань», - крутится в голове, как зациклило.

Я сам себе противен, Ника.

Хлопнув дверью, я нащупываю в темноте кровать и падаю на нее прямо в одежде. Наконец-то разрешаю себе вырубиться. И пролежать до рассвета бездыханным трупом.

Будто сквозь толщу воды, в сознание пробиваются вкрадчивые шаги, скрип матраса и тихий голос. Постель проминается рядом со мной, чьи-то руки стаскивают с меня пиджак, расстегивают рубашку, щелкают пряжкой ремня. Но во мне уже включен режим автопилота, так что я даже не сопротивляюсь.

- Колючка-а-а...

Мне снится Ника. Всю ночь я обнимаю и целую ее, нашептываю ласковые слова. Хотя бы во сне она меня не отталкивает. Прижимается ко мне нежно и трепетно, как десять лет назад. С ней так тепло и уютно, что я не хочу просыпаться.

НОВИНКА в цикле про военных!

"ПОДАРИ МНЕ СЫНА! ПРИСЯГА НА ВЕРНОСТЬ"

<https://litnet.com/shrt/5MkH>

– Это правда, что у тебя есть другая семья? – спрашиваю прямо, чтобы муж опроверг грязные сплетни.

– Незачем оттягивать неизбежное, - произносит Мирон без тени эмоций. – Согласись, наши чувства остыли.

Он клялся мне в любви, а сейчас убивает равнодушием. Как такое возможно?

– Из-за нее? – киваю на дверь, за которой скрылась дрянь, которую я считала подругой. Только что я застала ее в обнимку с моим мужем в его кабинете, но все равно не хочу верить в измену. – Или из-за той женщины, которой ты регулярно отправляешь деньги? И которая скоро родит... - судорожно сглатываю, - от тебя?

Просто скажи, что это не так! Обними меня, назови ревливой дурой. Мы вместе посмеемся и поедем домой... Однако Мирон ничего не отвечает. И в глаза мне не смотрит.

Я понимаю, что между нами все кончено еще до того, как он это озвучит.

- Неважно, - произносит цинично. И без сомнений подписывает нам приговор: - Аврора, давай разведемся.

Пережив в прошлом потерю любимого, я думала, что никогда больше не выйду замуж. Пока в моей жизни не появился Мирон - копия моего погибшего мужа. Я вытащила его с того света, а он предложил мне руку и сердце, чтобы потом... безжалостно разбить мое. Мне придется заново собирать себя по осколкам, но я больше не одна... Ведь перед разводом Мирон выполнил свое обещание – и все-таки подарил мне сына. Двух близнецов, похожих на него. 🖋 <https://litnet.com/shrt/s0AI>

Глава 9

Десять лет назад

Данила

«Привет, Колючка. Я возвращаюсь. Крейсер прибует на пристань послезавтра. Встретишь?»

«Нет. Я не могу»

«Мне не составит труда найти тебя, но я хотел бы, чтобы ты тоже сделала шаг мне навстречу»

«Я не так воспитана»

«Как? Здесь верные девушки и жены встречают любимых мужчин. Ты не так воспитана?»

«Не пытайтесь меня подловить, Богатырев. Я все равно не приеду»

«Я все равно буду ждать»

На ходу листаю историю сообщений с Николь. Это все, что у меня есть от нее, и я до дыр затираю экран пальцем, бегая глазами по строчкам, которые успел выучить наизусть.

Подошвы ботинок ритмично стучат по палубе. Жесткий северный ветер бьет в лицо, и я ускоряю шаг ему назло. В одной руке – сумка, в другой – телефон, с которым я не расставался на протяжении всего боевого похода, потому что в любой момент могла написать... она. Вежливо и сдержанно, как будто мы ее дипломный проект обсуждали, а не наши отношения. Я нагло заигрывал, она дерзко огрызалась, скры-

вая смущение, но мне и этого было достаточно.

Еще в кабинете психолога я понял, что с Колючкой легко не будет, поэтому, не дожидаясь, пока она решится начать общение, я сам раздобыл ее номер у Инны, первым отправил сообщение. Она ответила не сразу, будто несколько раз набирала и стирала текст, остановившись на скромно-холодном: «Здравствуйте, Данила. Надеюсь, ваша служба проходит спокойно». Ничего особенного, а меня повело.

Я стал одержимым. Забыл о боевых задачах и, наверное, вляпался бы куда-нибудь, если бы не Демин, который встряхивал меня, отчитывал и прикрывал, не понимая, какого черта со мной происходит.

- Офицер Богатырев, куда это вы так торопитесь, что даже со старшими по званию не соизволили попрощаться? – летит мне в спину, когда я заносу ногу над трапом.

- Виноват, командир, - чеканю, разворачиваясь на сто восемьдесят градусов. Отдаю честь и тут же хватаюсь за фуражку, которую едва не уносит порывом ветра.

- Отставить, - неуловимо усмехается Демин. Заглядывает мне за спину. - Боевого товарища где потерял?

- Луку? Так он опять блюет в галюне. Умоется – и догонит.

- Как этого салагу к службе допустили с морской болезнью? Молчу уже про боевую подготовку, - тихо причитает Миша, дружески похлопывая меня по спине.

Мы вместе идем по трапу. Такое ощущение, что он про-

вожает меня, чтобы я по пути ничего не натворил, ведь отвечать за членов команды ему придется. Демин до мозга костей командир. Душа корабля.

- Миш, да у него дед по материнской линии - адмирал в отставке, - по-свойски рассказываю ему, как другу, пока остальные моряки нас не слышат. — У него все дороги ведут... в море, хотя сам Лука с удовольствием рванул бы с отцом в Сербию клубнику выращивать. Но последнее слово в их сербской семье за русским дедом, как бы парадоксально это ни звучало.

- Терпеть не могу блатных, точнее этих... «потомственных военных». От них проблем не оберешься.

- Сам по себе Лука не плохой...

- Только ссытся и кривой, - зло отмахивается Демин и вдруг простреливает меня суровым взглядом. - Меня больше интересует, тебя какая муха укусила? Хренюю весь поход маялся. Не был бы товарищем, я бы тебя за борт выбросил.

В этот момент телефон вибрирует в руке, и я, наплевав на вопрос командира, безвольно открываю входящее сообщение:

«Я на пристани».

Сердце совершает кульбит в груди, уголки губ предательски дергаются, дыхание учащается, а меня качает, как на волнах.

Приехала...

Как-то договорилась со своей гордостью, взяла пропуск и

приехала. Могу только догадываться, чего ей это стоило.

Шаг навстречу? Не-ет... Это прыжок с палубы в открытое море. И Колючка его сделала. Я должен стать тем, кто ее поймает, чтобы идти на дно вместе.

- Командир, разрешите идти? Меня девушка на берегу ждет.

- Морской дьявол тебя побери! Напугал! – неожиданно сплевывает Демин. - Я голову ломал, что случилось, даже медицинские справки твои проверил, а ты... влюбился?

- Уставом не запрещено, – хмуро буркнув, прячу телефон.
- Женись, – бьет меня по плечу. - Сам знаешь, какая у нас служба. Только на свадьбу позвать не забудь.

- Не-ет, по старшинству я должен сначала на вашей отгулять. Непорядок – выше головы прыгать.

- Я в ближайшем будущем не планирую.

- Разве любовь планируют? Она как шторм – накрывает резко и разносит в щепки.

- Ох, поэт, – закатывает глаза. – Беги скорее к своей Асоль. Но будь на связи двадцать четыре на семь. Если начальство вызовет, должен явиться как штык.

- Так точно, товарищ командир, – выпрямляюсь по стойке «Смирно» и, улыбнувшись, добавляю чуть слышно: - Спасибо, Миш.

- Уйди с глаз долой. Смотреть тошно, боец романтического фронта.

** (Михаил Демин - герой дилогии "Настоящий папа в по-*

дарок" <https://litnet.com/shrt/u3gju> "Незабудки для бывшего. Настоящая семья" <https://litnet.com/shrt/6OTM>).

Он по-доброму смеется мне вслед, когда я лечу по причалу, как угорелый. Мечусь в поисках Ники, расталкивая других военнослужащих, извиняюсь без остановки, на автопилоте, даже не оборачиваясь.

Судорожно высматриваю ту, которую видел всего один раз в жизни. Но, уверен, даже спустя долгие месяцы я узнаю ее из тысячи.

Собираюсь позвонить ей, но какая-то неведомая сила разворачивает меня и толкает с силой. Слуха касается небрежное: «Извините», но я уже не реагирую. Взгляд впивается в яркий зеленый силуэт у ограждения – и ноги несут меня к нему.

Николь скромно стоит в стороне от всех, исподлобья наблюдает за счастливыми женщинами, что бросаются на шею своим мужчинам, хмурится и обнимает себя руками. Сомневается, но не уходит. Усмехнувшись, я бодро шагаю к ней, пока она не испугалась и не передумала.

Встречаемся взглядами.

Между нами снуют люди, но мы никого не видим, кроме друг друга.

Ника трясется и шмыгает носом. Ветер пробирает до костей, а на ней лишь платье до колена цвета свежескошенной травы, демисезонные сапожки на каблуке и легкая, короткая куртка. Каштановые локоны выбиваются из прически, раз-

метаются и бьют ее по раскрасневшимся щекам.

- Замерзла?

Я скидываю с себя китель, бережно укутываю ее, с улыбкой отмечая, как забавно она утопает в моей одежде. Маленькая, хрупкая, зато строптивости и упрямства в ней с лихвой.

- Не ожидала, что будет так ветрено, - упрямо поджимает губы. - Море волнуется.

- Ты тоже, - сжимаю ее дрожащие плечи. - Для меня одевайся не красиво, а тепло. Договорились?

- С чего вы взяли, что для вас? – звучит резко.

Защитная реакция. Шипы наружу.

- А ты кого-то другого здесь встречаешь?

Она фыркает, как дикая кошка, и опускает взгляд, рассматривая щебенку под ногами. Обнимаю Нику крепче, делая вид, что согреваю в своих руках, а тем временем сам наслаждаюсь женским теплом и нашей близостью. Уткнувшись носом в макушку, вдыхаю ее запах, который запомнил с первой встречи.

- Нет, - пыхтит она мне в грудь и, сама того не ведая, заводит за ребрами проржавевший мотор.

Я аккуратно подцепляю пальцами ее острый подбородок, слегка приподнимаю, наклоняюсь к румянному лицу и, намеренно касаясь пухлых девичьих губ своими, медленно и заговорщически произношу:

- Поцеловать тебя можно, Колючка, или опять укусишь?

- Не знаю, - рвано выдыхает, заторможено взмахивая ресницами. Смотрит то мне в глаза, то на губы. Нервничает, мечется, выпускает иголки. - Я еще не решила.

Дыхание сбивается у обоих. И я делаю то, что сотни раз представлял на корабле, когда перечитывал ее невинные эс-эмэски.

- Пожалуй, я рискну...

Она делает глубокий вдох и, затаившись, прикрывает глаза. Сдается на доли секунды, и я, как сапер, не имею права на ошибку. Надо бы поспешить взять свое, пока не оттолкнула, а я люблюсь ей, как дурак. Ловлю этот редкий момент, когда она открытая и доверчивая. Вся как на ладони передо мной.

Очерчиваю пальцами контур ее лица.

Она красивее, чем я запомнил.

Невесомо касаюсь уголка ее губ своими, провожу языком по верхней, прикусываю нижнюю. Не встретив сопротивления, осторожно углубляю поцелуй.

Моя воля – я бы съел ее целиком. Жадно, страстно, без остатка. Украл бы и не выпускал из постели до утра. Я голоден... После нескольких месяцев в замкнутом пространстве крейсера в окружении потных матросов я как одичалый, сорвавшийся с цепи пес. Но дело не только в этом. Я хочу именно эту девушку, хотя мы знакомы всего ничего. Я уже готов забрать ее себе, сделать своей женщиной и оставить рядом на всю жизнь.

Однако я засовываю свои желания куда подальше - и це-

люю Нику максимально нежно и аккуратно. Лишь бы не спугнуть. Я почему-то уверен, что в свои двадцать два она невинна. В нашем современном мире это редкость, но ее выдают манеры, поведение, взгляд, запах, вкус и даже напускная дерзость, которую она выставляет как щит. Сложно объяснить, но мужики такое чувствуют на уровне инстинктов – и следят, как акулы на свежую кровь. Еще в тот день я заметил нездоровую возню под кабинетом психолога, даже ленивый, апатичный Лука взбодрился, увидев практикантку, чем взбесил меня до трясучки.

Ничья она. Чистая. Нетронутая.

А станет моей. Или я не офицер Богатырев.

Капли дождя, подгоняемые ветром, падают на ее лоб и щеки. Ника морщится, делает слабую попытку отстраниться, но я ловлю ее за плечи. Не отпущу! Продолжаю целовать, при этом поднимаю китель над нашими головами – и мы вместе прячемся под ним от непогоды.

Она выдыхает мне в губы. Жарко, шумно и протяжно, как будто все это время не дышала, и... наконец-то отвечает мне. С каждым неловким движением ее язычка моя выдержка трещит по швам.

Девятый вал.

Кроет.

- Богатырь, ты куда так стартанул? Я тебя обыскался, - пробивается будто сквозь толщу воды.

Иди к черту, Томич! Вернись в галюн и утопись там! Ты

же видишь, что я не один. Просто пройди мимо нас. Исчезни!

Но он не слышит мои мысленные приказы.

Шаги становятся ближе, тяжелые подошвы звучно шлепают по лужам позади меня.

Чтоб ты провалился, дружище!

- Данила!

От неожиданности Ника испуганно вздрагивает, кусается и отшатывается от меня, прикрыв рот ладонью. Китель чуть не слетает на землю, но она успевает придержать его и бережно поправляет на себе, как дорогую брендовую вещь.

И все-таки ей идет – быть моей.

- Это становится традицией, - усмехаюсь, тронув пальцами прокушенную губу.

Николь становится багровой. Бросает взгляд поверх моего плеча.

Я нехотя я поворачиваюсь к другу и простреливаю его уничтожающим взглядом. Обычно он понимает меня без слов, но сегодня будто резко отупел. Неужели последние мозги выблевал?

- Здорово, меня зовут Лука.

Он протягивает руку Нике, но она не подает ему ладонь. Вздернув подбородок, лишь слегка кивает в знак приветствия. Правильно, нечего чужим мужикам мою девушку трогать.

- А ты, наверное, та самая, о ком Данила мне все уши про-

жужжал, - на полном серьезе тарахтит друг, хотя я ему ничего не говорил о Николь. – Анечка, рад знакомству!

- Я не Аня, - ледяным тоном бросает она. При этом неотрывно смотрит мне в глаза, следит за мимикой, будто на полиграфе проверяет. Мне скрывать нечего, поэтому спокойно выдерживаю наш зрительный контакт.

- Значит, Лена, - продолжает ерничать Лука. - Нет? Я запутался.

- Что ты несешь? – мрачно рычу, испепеляя его предупреждающим взглядом. Шутки шутками, но он заходит слишком далеко.

- Да чего вы так напряглись оба? – громко ржет, хлопая меня по плечу. Я раздраженно отбиваю его руку. - Пошутил я! Каюсь, неудачно. Готов загладить вину жареной картошкой, больше ничего готовить не умею. Ну, что, поехали к нам?

- Нет, - рявкаем с Никой одновременно.

- Черт, надо, наверное, квартиру для вас на ночь освободить? Тц, так отдохнуть хотелось после рейса...

- Не надо, - перебиваю его со злостью. - Мы прогуляемся по городу.

Лука сканирует взглядом напряженную, зажатую Николь, которая невидимой стеной от нас оградилась, косится на меня и тяжело вздыхает.

- Понял, - выдает с показным сочувствием. - Но если что, я на связи, - заговорщически подмигивает мне, а потом рас-

текается перед Никой в улыбке Чеширского кота. - Приятно было познакомиться, куколка. Хотя мы, кажется, уже встречались... Практикантка, так?

- Проваливай, Лука, - зло гаркаю на него. Придаю ускорения ощутимым толчком в спину.

Достал! Юморист чертов! Совсем не вовремя он решил поупражняться в остроумии.

- Знаете, мне, наверное, тоже пора, - монотонно произносит Николь, спуская с плеч тяжелый китель. Я водружаю его обратно и плотно запахиваю на ней.

- Стоять! Смирно, - командую по инерции. - Поверила ему, глупая? Не обращай внимания. Лука – балагур и... идиот.

- Хм, а мне показалось, он все по факту говорил. Живете вместе?

- Квартира досталась Луке от деда, я снимаю у него комнату. Это удобнее, чем в общагах тесниться. Всегда есть, где переночевать между походами. Я сам родом из Карелии.

- М-м, там красиво, - произносит она прохладно, из вежливости.

Дождь противно моросит. Ее шелковистые волосы стремительно намокают, завитые пряди повисают сосульками, с кончиков капает вода. Опускаю свою фуражку Нике на голову, улыбаюсь и обнимаю ее за талию, чтобы увести с открытой пристани.

- Поехали со мной в Карелию? – выпаливаю вдруг и сам

себе удивляюсь. Ни одной девке ничего подобного не предлагал. - С матерью познакомлю.

- Нет, спасибо, к такому я точно не готова, - делает шаг в сторону от меня, но я снова припечатываю ее к себе. - Зря вы на Луку наговариваете, хороший друг. Не каждый стал бы собственную квартиру уступать. И часто ему приходится вот так гулять под дождем, пока вы с женщинами развлекаетесь?

- Нет, нечасто. Я в половых связях избирателен, - чеканю свободно, хотя чувствую себя с ней как на детекторе лжи. - Это ревность, Колючка?

- Брезгливость, - дергает плечиком. - Вы меня целовали, мало ли чем могли заразить.

- Прекрати, ты видела мое личное дело и сама меня в рейс отправляла. А с корабля я сразу же к тебе, - остановившись под навесом, разворачиваю ее лицом к себе. - Николь, - зову вкрадчиво, приподнимаю козырек фуражки, под которым она прячется от меня, и обхватываю холодные щеки ладонями. - Ника-а-а, дай мне шанс. Ты все равно уже здесь.

- Я допустила оплошность, приехав к вам.

- Тебя привела ко мне судьба, смирись, - целую ее в капризно вздернутый нос. Уклоняется. - Идем в кафе? Переждем дождь, пообедаем, а там подумаем, что делать дальше. В общественном месте тебе точно нечего бояться. Идеальный вариант для первого свидания.

Не надеясь на положительный ответ, я беру ее за руку и настойчиво веду за собой к ближайшему зданию. Про пути

мы продолжаем пререкаться.

- У нас не свидание. И я не голодна.

- Вредная. Намучаюсь я с тобой, да?

- А вас никто не заставляет... мучиться.

Становится холоднее, и только благодаря этому мне удастся затащить ее в кафе. Снимаю с нее китель, сдаю в гардеробную вместе с женской курточкой.

Ника подходит к большому зеркалу, поправляет безнадёжно испорченную дождем причёску, скептически оценивает свой внешний вид. Как по мне, все равно красавица.

Воспользовавшись моментом, я обнимаю ее сзади, прижав спиной к своей груди.

- Доверься мне, никого не слушай, - нашептываю ей на ухо, касаясь аккуратной раковины губами. - Я тебя любить буду и беречь. Всю жизнь.

Она оборачивается, очаровательно улыбается мне и, перейдя на ты, неожиданно угрожает:

- Обманешь – убью и прокляну.

Добивает наивным взмахом ресниц. Маленькая ведьма.

- Слово офицера, - хрипло смеюсь и целую ее в губы.

Моя Колючка. Другой жены у меня не будет.

Глава 10

Нашидни

Данила

Убила и прокляла, как и обещала. Потому что без нее я на протяжении последних лет не жил, а существовал. Она для меня глоток свежего морского воздуха.

- Моя Колючка, - бормочу сквозь сон, улыбаюсь и крепче обнимаю прильнувшую ко мне девушку. – Ни-ка-а...

Душа остается на пристани в Североморске, вместе с милой стервочкой в изумрудном платье, а помятое, грузное тело неподъемным булыжником падает в постель.

Я с трудом разлепляю веки – и тут же морщусь от острых прострелов в висках. Вашу ж мать! Глаза щиплет, будто в них битого стекла насыпали, голова трещит, к горлу подкапывает тошнота.

Так фигово мне еще не было. Больше ни капли в рот!

Я как с того света вернулся. Хотя лучше бы остался там. В персональном адском котле.

В нос проникает приторный запах ванили. От него мутит сильнее. Мне бы в ванную, пока я не облевал чистую постель, но я ни встать, ни повернуться не могу - что-то мешает под боком. На автопилоте перебираю пальцами длинные волосы, разметанные по моей груди. Подцепляю одну прядь – темнее, чем у Ники. Она мой эталон, до которого еще ни одна

баба не дотянула, с кем я пытался забыться.

- Свали к черту, кем бы ты ни была, - едва шевелю пересохшими губами.

Когда я ее снять-то успел? И где? Бред какой-то!

Я точно помню, что засыпал один. И дома, чтобы не влипнуть в историю.

Но... щеки касается женская ладонь, ласково гладит по жесткой щетине, игриво рисуя невидимые узоры, спускается к горлу. Нервно дернув кадыком, я отрываю от себя навязчивую, шаловливую руку. Расфокусировано смотрю на обручальное кольцо на ее тонком безымянном пальце. Прежде чем проспиртованные шестеренки заскрипят в голове, я слышу над ухом знакомый до икоты, почти родной голос:

- Ты чего, Дань?

Моментально трезвею. Осознание масштабов катастрофы обухом бьет по больной башке, и она раскалывается, как спелый арбуз. Как ошпаренный, я подскакиваю с места и, несмотря на убийственную мигрень, слетаю на пол. Заторжено моргаю, рассматривая в первых лучах рассвета художную женскую фигурку на темных шелковых простынях.

- Алиска? – произношу вслух и не хочу верить. - Ты что забыла в моей постели?

- Ты совсем ничего не помнишь, Дань?

Пришел – упал – вырубился. Все! На что я вообще был способен в состоянии овоща?

Но внешний вид Алисы не оставляет сомнений.

- Ты что натворила? – хрипло выбиваю из груди. Все внутренности скручивает в морской узел. - Зачем?

- Ты был таким разбитым вчера. Я зашла, чтобы помочь тебе переодеться, - мямлит она, пряча взгляд и кусая губы. – Ты обнял меня, и я... осталась.

- Я обнимал не тебя, - хриплю, понимая, как по-идиотски звучит мое оправдание. - Давай без иносказаний! Скажи прямо для тупоголового солдафона с перегаром: мы переспали?

Она молча опускает голову и... протяжно вздыхает.

Мне показалось? Не-ет...

Я готов взречь от отчаяния. Не может быть! Я бы никогда!

Черт!

Но я стою посередине спальни в одних трусах, смотрю на полуголую женщину, которая стыдливо натягивает на себя одеяло, и ненавижу нас обоих. Отворачиваюсь, цепляюсь взглядом за свой костюм, аккуратно сложенный на стуле, и бросаю Алиске пиджак, чтобы прикрылась. Впопыхах натягиваю брюки, как будто это что-то изменит.

Поздно... Раньше надо было думать.

- Ты понимаешь, что я себе этого никогда не прощу? - бью себя пальцем в грудь. - А ты как жить дальше собралась?

- Нормально, Дань! – неожиданно повышает она голос и с претензией вздергивает подбородок. - Я устала от одиноче-

ства! И я тебя...

- Вот ш-ш... - шиплю в отчаянии, но затыкаю себе рот кулаком, потому что сам во всем этом участвовал, хоть ни черта и не помню.

Впервые со мной такое, но вины я с себя не снимаю. Понять бы, что делать с этим?

Мало было проблем, Богатырев? Решил уничтожить все и сравнять с землей!

- Я кофе сварю, - ласково произносит Алиса, а у меня зубы сводит от ее заботы. Сыт по горло.

- Ничего не надо! Я в душ и на работу.

Она босиком подходит ко мне, становится на цыпочки, но я шарахаюсь от нее, как от прокаженной. Жестом указываю на выход.

- Мать твою, Алиса! Дверь закрой с той стороны. Ноги моей больше не будет в этом доме.

- Дань, зачем ты так? Как же мы без тебя?

Она права. Никак. Особенно сейчас.

- На расстоянии помогать буду. Номер помнишь. На этом все.

Сорвавшись, я грубо выталкиваю Алису из комнаты, захлопываю дверь перед ее расстроенным лицом. Пусть плачет. Ей этот грех до конца жизни отмаливать, а я и так проклят. Принимаю холодный душ, яростно натираю себя мочалкой, но не отмыться.

Плюнув на все, быстро собираюсь и спускаюсь в гостиную.

Прохожу мимо кухни, где витают запахи еды и гремит посуда, тихо крадусь в коридор, как вор, ищу свою обувь.

Хватит с меня семейных посиделок. Я хочу незаметно выскользнуть из дома, не прощаясь, и больше не возвращаться сюда, но слышу за спиной радостный возглас Матвея:

- Батя! Доброе утро! – и топот босых детских ножек. - Ты сегодня отвезешь меня в школу?

Я успеваю лишь накинуть куртку поверх рубашки и шагнуть к двери, как меня слабо дергают за рукав. Матвей прижимается ко мне, держит мое запястье обеими ладошками, тянет, показывая, что не хочет меня отпускать. Я смягчаюсь, на мгновение забыв о его матери.

- Прости, родной, не в этот раз, - аккуратно отказываю и свободной рукой ласково прохожусь по его волосам. - Я в офис спешу.

Бессовестно лгу.

Заранее зная дату Мишиной свадьбы, я ничего не планировал на сегодня. В компании меня не ждут, но и здесь задерживаться я не собираюсь. Мне надо побыть наедине с собой, осознать случившееся и найти варианты, как исправить ошибку. Самый простой – сделать вид, что между нами ничего не было, но...

- Дань, тебе же по пути, - выкрикивает из кухни Алиса. - Пожалуйста. Иначе он опоздает. Сегодня мы проспали все будильники...

Каждое слово, произнесенное будничным тоном, отзы-

вается неприятным покалыванием в позвоночнике. Как бы невзначай она бросает камень в мою сторону, безжалостно напоминая о том, ПОЧЕМУ мы проспали.

- Ты пиджак забыл, Дань, - щебечет вдогонку. И это тоже пошлый намек на то, что было между нами.

Шаги приближаются, а я, как трус, позорно стою на месте и боюсь обернуться. Не могу смотреть ей в глаза. Противно до липкого пота. Отныне все будет напоминать нам об этой проклятой ночи.

- Пять минут на сборы, боец, - отрезаю коротко, обращаясь к Матвею. – Я жду тебя в машине.

Не удостоив Алису взглядом, я вылетаю из дома, плотно закрыв за собой дверь. Пиджак небрежно бросаю в багажник, твердо решив, что не надену его больше. Он пропитался ее приторной вонью. Насквозь!

Грязный, как и я сам.

И это после Ники, которую я обнимал вчера! Чей запах унес со свадьбы. Нет его больше. Ничего не осталось. Я будто ее тоже испачкал.

Когда казалось, что ниже падать некуда, я сорвался в бездонную пропасть. И до сих пор лечу, не приземляясь...

- Проклятье!

В сердцах бью кулаком по крышке багажника, оставляю вмятину. Так и не успокоившись, сажусь за руль, нервно барабанив пальцами по обводке.

Матвей выходит не один.

Ожидаемо. И от этого еще паскуднее на душе.

Алиса делает вид, что провожает сына, а сама не сводит с меня глаз. Ищет повод заговорить, задержать, вернуть все, как было, но я ей больше такого шанса не дам.

Идиот! Нашел, кому доверять.

- Пристегнись, - строго приказываю, когда Матвей занимает пассажирское сиденье сзади.

И срываюсь с места, обдавая Алису облаком выхлопных газов. Онемевшим затылком чувствую, что она еще долго стоит у дороги и смотрит вслед машине.

- Подружился с кем-нибудь в школе? – завязываю разговор с насупленным малым, лишь бы отвлечься.

- Не-а, - лениво тянет он, отворачиваясь к окну. Водит пальцем по стеклу. - В классе все какие-то чужие. И тупые.

- Ты помнишь, что мне обещал?

- Да, батя, я не буду хулиганить и драться, - произносит пафосно, как торжественную клятву.

Мы паркуемся у ворот школы – и мой взгляд приковывает знакомый мальчишка, прикладывающий карту к замку. На плечах синий рюкзак с картой мира, подмышкой забавная полосатая шапка, волосы взъерошены.

- Знаешь его? – бросаю с теплой улыбкой, продолжая наблюдать за пацаном. Я почувствовал, кто это, но хочу убедиться.

- Максим Томич. Он со мной учится, - и с необъяснимой злостью добавляет: - Задрот. И ябеда.

- Тш-ш, Матвей! – неожиданно повышая голос, а он вжимается спиной в кресло. – Не смей так отзываться об одноклассниках. Тем более Макс – адекватный мальчик. Не задирай его. Я буду рад, если вы подружитесь.

- Да никто не хочет со мной дружить, батя! – не скрывает обиды. – Я среди них как белая ворона. Все только клюют.

Покачив головой, я беру его за руку и веду к воротам, за которыми успел скрыться Макс. Сейчас он бежит сверкая пятками к зданию школы, боясь опоздать на урок. Зато Матвей никуда не торопится – ему фиолетово. Не понимаю, в кого он такой безответственный.

Впрочем, чему я удивляюсь... Обстановка в семье нездоровая, об этом еще Ника говорила. И была права. Не зная, что происходит, она все верно трактовала. Семья распадается по кирпичикам, а я бессилен. Вместо того чтобы строить – помогаю крушить развалины.

Сегодня я вбил последний гвоздь в крышку гроба.

- Ты и сам хорош, - отчитываю малого по пути. - Мне жаловались на твое поведение.

- Лучшая защита – это нападение.

- Не всегда так... Один в поле не воин, - приседаю и беру его за плечи, слегка встряхивая. - Матвей, хорошие люди должны держаться вместе. Наша сила в семье и дружбе.

- Так точно, - бурчит он.

- Беги, пока звонок не прозвенел.

Чмокаю его в лоб, отправляю за ворота, а сам невольно

озируюсь в поисках Ники. С Максом ее не было, что удивительно. Она же ни на шаг его от себя не отпускает. На свадьбе орлицей вокруг него кружила, от меня защищала.

Лучшая мама, о которой только может мечтать ребенок. И женой наверняка идеальной стала.

Для Луки.

При мысли о бывшем друге меня жестко подбрасывает от ярости. Руки сжимаются в кулаки. Я ненавидел Томича все эти годы, хотя сам отправил Нику в его гадкие объятия. Оставил самое ценное, что у меня было. Надеялся вернуться, а уже никто не ждет. Поезд уехал... в Сербию.

Значит, не судьба.

Я почти смирился. Отпустил. Но появление Ники взбудоражило старую рану. Кровоточит.

Я, как одержимый, лихорадочно окидываю взглядом площадку у школы, надеясь увидеть... свою девочку. Полюбоваться издалека – и уйти, потому что ее не заслуживаю. Просрал бездарно.

Среди стройного ряда машин выделяется белый мерс. На капоте – букет цветов, большой подарочный пакет и коробка с бантом. Рядом стоит Ника, разговаривает с каким-то мужчиной, повернутым ко мне спиной. Возможно, это родитель одного из учеников, который не прочь подкатить к симпатичному психологу.

Опершись бедрами о багажник своего автомобиля, я неотрывно слежу за ними.

Ревную? Бешено! Хотя не имею на это права.

В какой-то момент мужик оглядывается. Буквально на доли секунды, но мне этого хватает, чтобы узнать его профиль. И грубо выmaterиться себе под нос.

- Лука?

Значит, он здесь. Приехал за Никой.

Как по щелчку, все становится на свои места. И цветы, и подарки, и даже костюм с иголки – детали пазла складываются в картинку, которая заставляет меня вскипеть.

Милые бранятся – только тешатся. Их развод отменяется.

Выдыхаю. Заставляю себя остыть.

Пусть так, лишь бы она была счастлива.

Собираюсь вернуться за руль и сорваться к черту, чтобы не мешать воркующим голубкам мириться, но краем глаза улавливаю какое-то резкое движение.

Вижу, как ярко жестикулирует Ника, что-то пылко высказывая бывшему, а после... взмечается в воздух рука Луки – и вдруг с хлестким шлепком проходится по ее лицу. Красивому, как у куколки, нежному и изящному. До которого я дотронуться лишний раз боялся. Которое я целовал с трепетом, смакуя каждый миллиметр бархатной кожи.

Бьет с такой силой, что она отшатывается.

Звук пощечины раздается на весь двор как выстрел. Но никто больше его не слышит – все спешат по своим делам, а мы втроем будто в вакууме.

И я теряю контроль.

Урод! Это так ты «бережешь» мою женщину?

Глава 11

Николь

Я замечаю автомобиль Луки сразу же, как выхожу из такси. Меня трясет от одного его вида. Белое пятно на стоянке у школы как бельмо на глазу. И снова цветы с подарками, пафосно разложенные на капоте. Это похоже на больной ритуал.

На протяжении последних дней Покойник преследует меня с одержимостью маньяка. Сияющий мерс несет почетный караул во дворе дома, исправно дежурит у спортивного центра, где занимается баскетболом Мак

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.